

65-9(2)242

С-50

Николай Смирнов

Государственный интерес

Документальная повесть о Герое Социалистического Труда, депутате Верховного Совета РСФСР, бригадире комплексной хозрасчетной бригады Николае Павловиче Нежданове.

Серия «Энергия мира»

Серия
«Энергия мира»

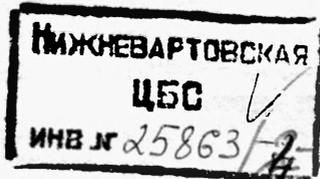
Общественная
редколлегия серии:

Кожевников В. М.—
председатель
Баряев П. А.
Глебов В. С.
Лагунов К. Я.
Лутошкин Г. Д.
Нестеров И. И.
Погребной В. А.
Салманов Ф. К.
Селиванов В. И.—
зам. председателя
Селиванов Ф. А.
Хворостянова Р. В.

65.5(2)242

Николай Смирнов

Государственный интерес

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1984

X C

84Р7

С50

В центре документальной повести — Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР, бригадир комплексной хозрасчетной бригады треста Мегионгазстрой Николай Павлович Нежданов. Годы работы рядом со своим героем позволили автору достоверно показать, как боролись прославленный бригадир и его сподвижники за внедрение бригадного под-
ряда.

Рукопись книги обсуждалась в коллективе строителей. В обсуждении приняли участие: Г. М. Бабич — секретарь Нижневартковского райкома профсоюза рабочих нефтяной и газовой промышленности; В. С. Сондыков — секретарь парткома треста Мегионгазстрой; С. М. Чечиль — секретарь комитета ВЛКСМ комсомольско-молодежного управления треста Мегионгазстрой.

Рецензенты — Е. Г. Ананьев и Э. А. Бадьева.

Смирнов Н. П.

С 50 Государственный интерес.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984.— 128 с., ил.— (Энергия мира).

25 к. 5000 экз.

Книга о Герое Социалистического Труда, депутате Верховного Совета РСФСР, бригадире комплексной хозрасчетной бригады треста Мегионгазстрой Н. П. Нежданове и возглавляемом им коллективе.

С 0802010204-057 19-84
М158(03)-84

ББК 84Р7

© Средне-Уральское книжное издательство, 1984.

С министром Щербиной Нежданов встретился на съезде профсоюзов в перерыве между заседаниями. Широко распростерши руки, дружески улыбаясь, Борис Евдокимович шел навстречу:

— Гора с горой не сходятся... Ну, здравствуй, самотлорец, здравствуй! Что не заглядываешь? Мне до Нижневартовска сейчас дальше, чем тебе до Москвы, весь в делах. А ты давай заходи вечером, потолкуем обо всем ладком. Есть о чем...

Вечером Николай Павлович доехал на метро до станции «Октябрьская». Здание министерства с просторным вестибюлем, скоростными лифтами. В приемной министра представился секретарше.

— Борис Евдокимович вас ждет,— сказала она.— Пожалуйста, проходите...

Николай Павлович шагнул в просторный кабинет. Б. Е. Щербина был один, работал за столом. При появлении земляка-самотлорца вышел из-за своего «министерского» и сел за приставной стол, предназначенный для совещаний, тем самым подчеркивая неофициальность предстоящей беседы.

Их встрече предшествовала борьба Николая Павловича с управляющим трестом Васютой, который, вместо того чтобы поощрять бригадный подряд и ставить целью всего конечный результат — сдачу объекта, предпочитал общие объемы, вал и тем плодил незавершенку. Конфликт докатился до министерства, неспроста пригласил к себе знатного бригадира строителей Щербина. И вот, стараясь говорить логично, Николай

Павлович вводит Бориса Евдокимовича в курс дела, разъясняет, как, по его глубокому убеждению, должно быть и как есть на самом деле:

— За последние два года бригадный подряд у нас в Самотлорнефтепромстрое прекратил свое существование,— отчетность как о подряде, а его и со спины не видать. Общее выполнение есть, премии всем и каждому в тресте и управлениях выдаются, а ни одного объекта за год толком не сдали. Кому очки втираем? Надо в отчетах отражать действительное положение дел, да, видно, не в интересах управляющего трестом вести строгий учет и контроль,— ведь при подряде каждый рубль обсчитывается. У меня бригада дружная, многое может, но Васюта нарочито мешает, не дает самостоятельности. И когда предложили нам всем составом бригады перейти в трест Мегионгазстрой на газлифтную компрессорную станцию № 3, единогласно согласились. Подальше от бюрократии. «Тройка» на отечественном оборудовании, экспериментальная, есть где приложить силы.

— Почему раньше не подал сигнала? Подряд ведь не твоя или бригады прихоть, а государственная необходимость. Ошибаешься, если думаешь, что защищаешь личные интересы, а не общенародные. Важно использовать все плюсы прогрессивного новшества еще и потому, что в нашей системе многие до сих пор не верят в подряд: хлопотно-де, да и необязательно. Ты своим примером можешь разжечь оптимизм людей. Хочется верить, что, пусть не сразу, но будет бригадный подряд признан повсеместно. Иного варианта не вижу, а потому в твоей борьбе за это новое в строительстве производстве окажу всяческую поддержку.

— У нас сейчас самое неотложное — газлифт, прежде всего — он, — продолжает министр. — Без газлифта трудно поднять нефтедобычу. Только на Самотлоре предстоит соорудить 37 мощных установок. В этих условиях нужен энтузиаст, который был бы способен повести за собой людей во имя достижения высоких целей. Ведь так? — улыбнулся Борис Евдокимович. — Если нет, то скорей доказывай, убедишь — приму твою сторону.

У министра твердое мнение — кто его знает, не сомневается, — что, будучи уверенным в своей правоте, он не отступит. Нежданов хорошо знал Б. Е. Щербину еще первым секретарем Тюменского обкома партии, слушая Бориса Евдокимовича, всегда обретал заряд вдохновения: умеет глобальные проблемы подать доступно, из частного вывести общее, государственное. Вот и сейчас излагал свои мысли в знакомом ключе:

— Видел у вас на Самотлоре возле только что приземлившегося вертолета мальчишку. Лопасты вздымали вихри, шибали ими мальчишку, а он упрямо оставался на месте. Оказалось, ждал мать. Вот так же, наперекор всем вихрям, должна быть в своем почине бригада. Какие бы перипетии не обкладывали. Ученые изобрели недавно особый материал, задав ему определенные свойства. Если поместить его в иную среду — меняется кристаллическая решетка, но прочность материала остается прежней. Так и бригада: в любых условиях должна выстоять, если нужно — переформироваться, но победить. Я это в принципе, детали утрясайте сами.

— Спорил на разных уровнях, твердил, но проку пока мало, — заметил Николай Павлович. — Министерский представитель

приезжал докопаться до сути, был направлен к нам. Откушал чаю с управляющим, прошелся по верхам, чтобы показать, что не сидел, руки сложив. А потом все так выразил в отчете, что у меня сомнение появилось: может быть, действительно прав Васюта, а я — в заблуждениях. Не втянул ли бригаду, которая верит мне, в авантюру? Может, лучше двигаться по накатанному пути, работать как есть, по старинке, и не будоражить народ?.. А душой остался верным идее. Люди идут за мной добровольно, без подталкиваний и увещеваний. Конечно, помощь бригаде нужна, в первую очередь — оперативная машина. Но сейчас, пожалуй, гораздо важнее поддержка организационная, структурная. Основа основ подряда — его отлаженная система. Ломка привычного нужна. Есть наметки перестроить существующие генподрядно-субподрядные отношения, выявить и упрочить многое, чтобы подряд стал фактом, а не рекламой...

— Помощь будет, — решительно поставил в разговоре точку Б. Е. Щербина. — Но и сам ступай тверже, не надейся на доброго дядю.

От министра вышел окрыленный, переполненный надеждами. Невольно вспомнились семидесятые годы, сдача насосной перекачивающей станции на нефтепроводе. Именно тогда ему присвоили звание Героя Социалистического Труда, избрали членом обкома и послали на XXV съезд партии. Именно та насосно-перекачивающая станция заронила думу о подряде...

Отсутствие хозяина на площадке обычно порождает хаос, чего при Николае Павловиче давно уже не было. То нагрянут на небольшой отрезок теплотрассы землерой-

щики, сварщики, изолировщики, то вдруг — никого. Нужно было бригаде спланировать участок, землеройщикам — прорыть траншею, сварщикам — связать трубы в плеть...

Одно звено в цепочке выпало — замешкался субподрядчик, — и все кувырком. Понял бригадир, что в такой обстановке не до успехов, лишь бы управиться. Людей, какие есть, можно растерять, а раз так — объект ко времени не сдашь. Каждый по природе своей человеческой хочет начатое им видеть в завершении, да и в эксплуатации. Нельзя не учитывать этот фактор психологии. Начав, скажем, траншею, человек привывает к ней, невольно хочет видеть и примыкающую к ней техническую завязь — станцию. Мирится ради этого с неудобствами быта, снабжения, проектными опозданиями и разного рода несовершенствами. И бригадный подряд понятен ему, желаем.

Пункты договора четко определяют сроки сдачи объекта, обязанности исполнителей. В них видят исполнители свои конечные цели.

«Кто пахал землю и строил дома, не будет легковесным», — любил повторять отец. Подростком Николай Павлович попал на Уралмашзавод учеником слесаря. После армии снова в цех свой вернулся. Позднее мечты о геологии увели на Магадан в Нексинскую разведочную экспедицию, но вскоре вынужден был уехать в Новосибирск к занедужившей сестре. Там увидел, как напротив, через дорогу, собирают крупнопанельный дом. Еще совсем недавно едва выступал фундамент, а глядь — уже подвели многоэтажный под крышу. За неделю — многоквартирный дом, даже при идеальной отлаженности — на удивление.

Попросился на работу к строителям-мон-

тажникам скорее из безотчетного стихийного порыва, чем осмысленно. Взяли его, приставили к делу. Там он впервые услышал немного таинственные слова «подряд», «хозрасчет», в сути своей определившие темп монтажа крупнопанельных зданий.

Многому научил бригадир Володя Марданов. Интересный парень, увлекающийся. Умел зажигать словом и делом. К нему тянулись люди. Николай Павлович понравился Марданову за умение организовать людей, за рабочую сметку,— вроде бы тишком, тишком, а выполнение с плюсом. Оставил новенького за себя бригадиром на период защиты институтского диплома.

Тут как раз зашумели о нефти Среднего Приобья, о городе Нефтеюганске, в ту пору закоперщике всего нефтяного. Володя в бригаду вернулся с дипломом в кармане и непоколебимым решением уехать на Север. С ним в числе добровольцев оказался в Нефтеюганске и Нежданов. Не стал геологом, так будет обустривать новые края.

Жили в нем геологическая страсть и заводская основательность, побуждающие стремление быть первооткрывателем, выполнять на совесть любую работу. Эти свойства в равной мере определили его профессиональную направленность.

Возведенный за шесть лет в Нефтеюганске бригадой во главе с Николаем Павловичем микрорайон в 1600 благоустроенных квартир старожилы до сих пор именуют неждановским, бригаду его бывшую — неждановской. Именно в ту пору полюбилась ему и стала женой, душевным подспорьем в жизни белокурая каменщица Надя.

В Нижневартовске на головной перекачивающей станции бригаду вновь составили. Сумел организовать. Работали все как полагается.

Почти все в бригаде универсалы. С их помощью добился Николай Павлович таких результатов, что был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда «за выдающиеся заслуги в труде, разработку и внедрение высокоэффективных научно-технических и инженерных решений, обустройство в короткие сроки Самотлора».

Казалось бы, к чему обязывает признание, лишь продолжай выполнять свое привычное дело так же добросовестно, с умом. Ан нет, захотелось чего-то значительного. Всецело тогда овладела Н. П. Неждановым идея внедрить бригадный подряд.

В долгом пути до Тюмени Николаю Павловичу то и дело вспоминалась встреча с министром. В мыслях переплеталось современное и давнее.

После сдачи головной перекачивающей пришел к начальнику управления Васюте (в то время он был на этой должности) и предложил попробовать подряд на комплексном сборном пункте № 10 (КСП-10), что предстояло возвести.

— Бригаду надо укрупнить и передать ей часть субподрядных операций,— предложил Николай Павлович, еще не зная, как отнесется к этому начальник.— А главное— надо сделать так, чтобы бригада отвечала за весь производственно-сдаточный цикл. Да если бы еще и технику ей в придачу!

С достаточной убедительностью все это изложил: примеров для подражания здесь еще не было, цифрами и фактами бригадирских расчетов оперировал. Местные условия не позволяли сравнивать возможности с уже испытанными большеземельными: сказывались отдаленность, трудности снабжения.

Начальник СУ выслушал предложение бригадира с явным сомнением. Чувствовалось, что интереса у Васюты не появилось. Можно было прочесть на его лице: «А нам это очень нужно?.. Лучше не связываться бы с этим так называемым подрядом. Обойдемся...»

— При наших-то темпах и без того быть бы живу,— оборвал порыв бригадира начальник.— План вытягивать надо, а не выступать с сомнительно-новаторскими вариациями, с так называемыми личными интересами.

— Личные ли?— не сдержался, вспылил Нежданов.— Обустройство решает нефтедобычу на Самотлоре, а значит, и в стране. Будут здесь эксплуатационные мощности — будет и нефть. С умом к делу подходить надо, иначе и государство потеряет, да и вы тоже, премию, престиж.

Против личного престижа Васюте идти не хотелось, дал согласие на то, чтобы заключить договор с бригадой. Еще и потому согласился, что имел дело с Неждановым — фигурой заметной не только в управлении, но и в главке. А может быть, еще и потому, что не хотелось прослыть консерватором.

Если против себя пошел, дав «добро», дело на лад не пойдет. В полной мере подряда не получилось. По-прежнему мешало обилие субподрядчиков, которые и создавали толкотню. Обслуги тьма: электрики, дизелисты, кочегары, слесари, сторожа (а где без них?). Каждому плати, а отдачи — почти никакой. У чужих механизаторов свои выгоды в кубах и в рублях. Им подавай вал, объем, на мелочовку не согласны. О досрочной и качественной сдаче КСП у них душа не болит.

Нежданов — к управляющему трестом,

инстанцией выше. Так, мол, и так, дайте технику в бригаду, избавьте от нахлебников. У нас те же самые механизаторы будут втрое полезней, им весь цикл станет важен.

Руками развел управляющий:

— Не могу, не в моей это власти. Да и что другие скажут? Всем надо. На всех не напасешься. А кто технику будет ремонтировать, если передадут ее бригаде? Вот разрешит главк, тогда — извольте...

Не мешкая, полетел Николай Павлович в Главтюменьнефтегазстрой к начальнику главка, тот в порядке эксперимента разрешил. На месте сделали все так, как было задумано, и результаты вскоре сказались: «десятку» сдали досрочно и со значительным удешевлением. Обоюдно с промышленниками, заинтересованными в пуске, смело корректировали поустаревшие на корню проекты и схемы, для удобства монтажа использовали легкие сборные секции и панели.

Нынче «десятка» — пройденный этап. И следующий, шестнадцатый, КСП сдали с приличной экономией — на восемь месяцев раньше запланированного. Казалось бы, преимущества подряда явные, но управляющий, предшественник Васюты, заявил принародно, что не хочет, чтобы высокие показатели у Нежданова были результатом созданных «тепличных» условий. Выживет на ветродуе, сам по себе, значит, жизнеспособен, а помогать не будет. Собирался в ту пору уезжать в теплую украинскую сторону, не хотел лишних хлопот.

В Тюмени Нежданов взял билет на самолет, жалея потерянного времени: надо было из Москвы вылететь, чтобы прямо до места. К тому же второй понедельник месяца у него депутатский, нельзя пропустить прием.

На круги своя

Бригаду застал на газлифтной № 2. Общестроительные работы давно завершены, а на обещанную КС-3 никак не переведут. Забыли. В бригаде нервозность и смятение. Слышны в бытовке возбужденные голоса:

— На них не каплет, им оклад идет с накрутками и надбавками.

— Сколько можно вольтинить?

— Нежданову телеграфировать. Накипело.

— Он бы всей душой. Но сможет ли?.. Не перешибешь плетью обуха...

— Я здесь,— встал на порожке Николай Павлович.— О, у вас полный хурал. По какому случаю?

— По случаю небольшого выпивона: двое поддали без отрыва от производства,— с сарказмом проговорил его заместитель Булат Азаматов и показал на двух смущенно понурившихся «старожилов». Под осуждающим взглядом бригадира один из провинившихся поднял голову и пробурчал с явной обидой в голосе:

— От такой занятости не только выпьешь, волком завоешь. Ждем ясной погоды. По зимнему календарю декады считаем, две с хвостиком в январе «накалендарили».

Увы, прав: затяжки с передислокацией ударили и морально. Эти двое вот выпили. Такого еще не случалось, чтоб на работе хмелились. Тревожный сигнал.

Бригадир не присел, не включился в прения. Сказал, как точку поставил:

— Выжидание окончено. Сегодня же в ночь всем нашим хозяйством примемся за обустройство, спланируем площадку и — в добрый путь.

— Вот это разговор! — не скрывая на-

хлынувшего восторга, заключил тракторист Карлыков.— Так что же, с новыми силами да за рычаги?

В комбине зоне, голоруким, как был, метнулся в холод к бульдозеру, ожидавшему его у бытовки. Тросом принялся цеплять дощатый домик на полозьях, с удовлетворением приговаривая:

— Так! Верна-а!..

Зашумели члены бригады в бытовке, загомонили вразнобой. Засветились глаза надеждой на лучшее.

Обычно Николай Павлович информировал свой коллектив обо всем мало-мальски значительном, что привозил с совещаний и заседаний, состоявшихся вне бригады. На этот раз порадовал известием о встрече с министром, о надеждах, которые возлагает Борис Евдокимович на них, о помощи, которую обещает. И о большой ответственности сказал: доверие министра ударным трудом оправдывать надо.

— Если все на полном серьезе, будет отдача, как же иначе! — заверил бригадира звеньевой плотников-бетонщиков Анатолий Крестов, человек, в бригаде уважаемый за профессиональное мастерство и покладистость.

— Нет, Толя, министр шутить не будет. Давно я его знаю: если сказал — сделает. Обещал «оперативку» и автобус. Думаю, что здесь первая кандидатура — Ферингер. У него шоферские права и стаж водительский немалый. Ну как, Иван?

— Я хоть сейчас, — с готовностью отозвался Ферингер.

«Такие не подводят! — с удовлетворением подумал Николай Павлович. — Если дал согласие, любую работу выполнит тщательно — так, что потом никому не придтаться. И здесь на месте будет...»

Покончив с оперативными делами в бригаде, Нежданов на попутке помчался в Нижневартовск, опасаясь опоздать к депутатскому приему.

«Татру» заносило на поворотах, грозило опрокинуть, а водитель не сбавлял газ. Татристы привыкли гонять, у них зарплата с ходки — ценят время. А это и неплохо. С тревогой подумал Нежданов о времени, которое так незначительно, при всех благих намерениях, тратят строители. В оплате уравниловка: вкальвай не вкальвай — одинаково закроют. Подряду нужно иное отношение.

Как их примут в новом тресте? Впрочем, в Мегионгазстрое он начинал, Самотлорнефтепромстрой спустя год-полтора выделился. Правильней назвать переход возвращением на круги своя...

В городе пересел на рейсовый автобус и за пятнадцать минут до начала приема уже был у общественной приемной на первом этаже горисполкома. Секретарь Галина Александровна заранее поставила графин с водой, придвинула стулья к столу для записавшихся на прием, на видное место положила письма к депутату — все предусмотрела.

Взял письмо, лежащее сверху. Без почтового штемпеля, значит, сами принесли. Надорвал конверт, взял в руки листок из школьной тетради, на котором было написано крупными буквами: «Я ханты Матрена Прасина охотница по зверю и рыбе. Пензионно хочу жить в городе, Ленька сын хочет, надо квартиру!!!» — тремя восклицаниями усилила.

Она и вошла на прием первой, по-хозяйски уместилась на стуле. Немного словно, стараясь быть лаконичной, рассказала о сво-

ем житье, о своих заботах. Была «передовичкой» в колхозе. Сын Ленька женился на русской бухгалтерше Валентине. Хочет жить в Нижневартовске, Валентина тоже хочет. Матрена, любя обоих, согласна переехать с ними в город. Хотя знает, что будет тосковать по таежному приволью... Так пусть уж депутат не откажет в помощи.

— Постараюсь,— кивнул головой Нежданов, все еще державший потертое на сгибах письмо.— Завтра же поговорю с председателем горисполкома. Куда сообщить о результатах, по какому адресу?

— Река Вах, третья излучина в понизовье.

— Весьма приблизительно. Лучше подожмите на неделе сына, молодому сподручней.

— Нич-чего,— заметила с некоторой обидой Матрена, застегивая кухлянку костяными самовыточенными пуговицами.— Сама приду, я проворная, проворней Леньки на лыжах. А то прискачу на олешках, есть у меня пара ездовых хоров.

— Вот и хорошо, приезжайте. Живу неподалеку, по улице маршала Жукова. Вечерами почти всегда дома. А если меня вдруг не будет, жена Надежда Андреевна примет.

Удовлетворенная встречей, пошла Матрена к выходу. Но от двери вернулась. Радостью своей поделиться хотела. Внук у нее есть, Ленькин сын. Подрос уже, читать по слогам умеет... Муж ее покойный, Иннокентий Прасин, слыл в понизовье отменным промысловиком, вместе за все годы пушнины добыли столько, что ею можно одеть всех вартовчан и еще полгорода. Хорошо брали с Иннокентием муксуна, щекура, а мелочь чебаковую, окунишек не признавали, никогда не брали в зачет. Иннокентий,

было, и председательствовал, командовал рыбоучастком — видный человек. Орденом наградили...

Наговорилась с хорошим человеком, ушла, осторожно притворив за собой дверь.

Входили еще посетители, объясняли, просили помочь с квартирой, с местом в детские ясли, в садик. Николай Павлович вникал, решал, советовал, высказывал мнение по поводу. Закончил прием в восьмом часу. Когда опустела приемная, спохватился, что до сих пор не позвонил домой, набрал номер.

— Как, ты на приеме? — удивилась жена. — Когда успел?

— Успел. И еще собираюсь... на Само-тлор.

— В ночь-то! Ты хоть бы об Анюте вспомнил, истомилась. Да и я не без того... Успеешь еще насамотлориться.

В самом деле, пока доберется до места, считай, еще пара часов долой — ни то ни се. Уж лучше с утра — всему свой срок и время. Только сейчас ощутил, как сильно устал.

В сквере у горкома призамедлил шаги, залюбовался заснеженными кедрами. В свете неона они отливали неземным сиянием. Красота-то какая!..

Вартовск! Немало связано с ним радостей и огорчений. То вдохновлял, то наводил на раздумья. На глазах рос, становясь современным городом.

Дома Анюта, еще дошкольница, его позднее солнышко, встретила радостным возгласом: «Па-а-ап!» Бросилась ему на шею, обвила ручонками. Может быть, и убедил бы жену в необходимости вернуться на Само-тлор потемну, но перед дочуркой спасовал. Притяжение к ней сильное, ей все

внимание. Брал прошлым летом с собой в Москву, на стройплощадку — не однажды, часто на природу выходил с ней. Анюта пользуется у него особой привилегией. В конце концов, присутствие бригадира на «тройке» сейчас необязательно. Пока что справятся без него: подтащат, подвинут. Главное — впереди.

— Хорошо, хорошо, Анюточка, никуда я сейчас не поеду, с тобой останусь,— приник покальвающей щекой к пухлой щечке дочери. Анюта смеялась и притворно отталкивала: «Па-а-апа! Ну, па-а-апка!»

Но и в этот момент в сознании Николая Павловича не гасло: где-то там, в столице, человек, наделенный государственными полномочиями, верит, что неждановцы справятся со стоящей перед ними задачей. Сумеют при всех досадных потерях сдать первую очередь под обкатку не через 22 месяца, а втрое быстрее, дадут темпы, каких прежде не знали.

Было прежде нечто похожее по смелости начинания на головной перекачивающей, на комплексных сборных пунктах, но то — лишь истоки большого начала. По-настоящему большие замыслы будут воплощаться здесь, на «тройке».

Приглашает Николая Павловича для разговора заместитель управляющего Мегионгазстроем Пикман, человек в тресте влиятельный. Для порядка или по надобности какой? Что-то начал разувериваться в поддержке начальства: обещают или отказывают — результат один: улучшения дела нет. Выматывающая нервотрепка изнурительней любой работы.

«В том и достоинство подряда, что нет работ выгодных и невыгодных, все одина-

ково престижные, поскольку зарплата из общего котла», — не в силах уснуть, думает Нежданов. Встает с постели и, осторожно ступая, уходит в гостиную. Включает настольную лампу, набрасывает тезисы, с которыми завтра предстанет перед Пикманом. Неспроста зазывает его Григорий Ильич. Полвека в строительстве почетный строитель Главтюменьнефтегазстроя. Знает его по тому далекому началу, когда сооружалась головная нефтеперекачивающая станция на нефтепроводе. Мыслит решительно, смело, а главное — свежо, совершенно лишен консерватизма.

Перо часто задерживается: Николай Павлович думает. При этом мысли его раздваиваются — в настоящем и минувшем... Для механизаторов при подряде не делается исключений, на равных они со всеми. Конечно, находятся всякие. Один за дармовой деньгой гонится, другой выпивает не в меру или пренебрегает ручным трудом, руки бережет, чтобы мозолей не было. К счастью, таких немного.

Был в бригаде неплохой сварщик, а сейчас его нет: ушел «на трубу». Не захотел быть, как выразился, на подхвате, опасаясь дисквалификации. На трубе у него работа точная, филигранная.

И все же большинство — устойчивые, стабильные кадры. Есть ребята со среднетехническим специальным образованием. Словом, дельные, добросовестные «ребятишки» и «девчонки». Николай Павлович улыбается, представив всех и каждого по отдельности. Смотрит в затянутае изморозью, разузоренное пальмами окно, на которое факелы Самотлора бросают багровый сполох. Где-то там в ночи десант, срезав бульдозером неровности мшаги, расставляет балки. Карлыков много курит, зычногoлoсo

советует, куда поставить бытовку — вечную странницу, столярку, столовую. У Булата на стужаке индевеют очки, он протирает их тыльной стороной ладони, широкой, как лопата. Толя Крестов — виртуоз в своем деле — ухитряется бетонировать в активированные дни, когда вроде бы носа на мороз из бытовки не высунешь. Целую систему обогрева приспособит на такой случай, чтоб бетон схватился крепче. А как обращается с бадьей и электровибратором — надо видеть! Кувалдой наотмашь ухнет по днищу раз-другой, очистит от насохших струпьев и с вибратором нырнет в чрево опалубки, куда из бадьи обрушивается серая вязкая масса. И так и этак «провентилирует», до «молочка» поверху, боже упаси, не осталось бы каверн.

Давно убедился, нет плохих работников, можно управиться с любым составом. Своего рода наука побеждать. Управлялся же когда-то с совсем отпетыми. Старался выявить лучшее в них, заставлял ценить самих себя, через себя учил ценить других и проникаться единением...

Опять мысли о насущном: без малой механизации эффекта не жди, не будет. И при произвольных перебросках его людей с объекта на объект. Подряд любит постоянство, резвых субподрядчиков, поставку оборудования в срок. Подряд не просто признавать надо — знать, как наилучшую организацию труда и экономики. Значит, экономиста нужно для повседневного анализа. В управлении в общем и в целом плюсуют и минусуют, а свой экономист — он разложит по полочкам всякую малость. Об этом мечтал еще в бытность на «десятке».

Время подряда

За плечами у Пикмана шестнадцать лет работы на Самотлоре, в совершенстве знает местные особенности. В свое время Мегионгазстрой ставил задачу сдавать в год по газоперерабатывающему заводу и добился всего. В этом немалая заслуга Пикмана.

Что предстоит на сей раз? Какой стиль и ритм, какую организацию труда предложит Нежданову?

В детстве Николай Павлович неоднократно слышал притчу о кузнечике и улитке. Как ни хотели те подружиться, все у них вразлад. Кузнечик стремительный, прямолинейный, рискованный. Не боится пустот и ям. Улитка, наоборот, выбирает, где глаже, пусть длинней, но глаже. Солнца улитка избегает, ветра сторонится. Все бы ей в тени дремать.

Терпел, терпел кузнечик, топнул сердито ножкой со шпорой и заявил: «Не получится у нас союза. Уж лучше один я буду, зато как хочу». И умчался. Только его и видела медлительная улитка.

Кем предстанет Пикман — «кузнечиком» или «улиткой»? Он уже столько перевидел их, улиток, в борьбе за подряд, что сомневается даже и в Григории Ильиче... Кажется, что годы не старят его: ни резких морщин, ни вялости. Или одержимостью в работе берет?

Подперев рукой щеку, Нежданов за письменным столом в гостиной как бы прокручивал в голове минувшее, подводя к настоящему и к тому, что предстояло.

После встречи с министром надежда снова поселилась в нем: не даст в обиду Щербина. Вместе с надеждой вернулась решительность, и он готов с прежней катего-

ричностью изложить свои далеко идущие планы, которые в свое время напрочь отверг Васюта. Тогда-то, отчаявшись, и решил написать министру. Приспевший по жалобе гононец разбирался в кабинете управляющего, под его недреманным оком. Так и доложил, как «разбирался». Хорошо, что министр усомнился в докладе.

Из задумчивости Нежданова вывело легкое прикосновение. Проснулась Анюта и, не найдя отца, пришлепала босыми ногами в гостиную. Поднял на руки, унес в постель, лег рядом, мало-помалу погружаясь в густое, вязкое, опечатывающее слух и зрение.

Ночь. Спит Нежданов, и во сне является к нему «охотница» Прасина с луком и стрелами. «Которая стрела точней, депутат? — спрашивает тенорком Крестова. — Та, которую твердая рука посылает с тугой тетивы. Попадает стрела в цель. Я всю жизнь живу, как стрела...»

Действительно, оборотилась стрелой и умчалась наперегонки с ветерком. Ни стрелы, ни Матрены-охотницы. Остался лук, на луке новая стрела. Пустил ее Нежданов, полетела стрела — есть еще в руке сила, но есть ли твердость? Сила и твердость не одно и то же. К силе присовокупишь твердость — и будет точность.

Проснулся, как будто кто в окно стукнул. Ночь длится. Правда, брезжит чуть на востоке: белесо начал обозначиваться рассвет. Окна в куржаке, заиндевели. Узоры диковинные на стекле, словно резцом начертанные. Каково-то ребятам на «тройке»? Он поколебался: с утра к Пикману или после Самоглора? Приглашение — с утра, на полдевятого, не позднее, а уж потом

впрячься сразу на две смены, прихватить и ночь. Кажется, началось давно ожидаемое.

Трест неподалеку от старой базарной площади, между гостиницей и комсомольско-молодежным управлением, к которому приписан с бригадой. Здание треста со вкусом построено, современное. Из стекла и бетона. Просторные коридоры, кабинеты, много воздуха, света, дышится свободно. Не стесняют, не давят стены, как в Самотлорнефтепромстрое.

Взялся за ручку двери раскованно, с устоявшимся спокойствием. Зашел в кабинет Пикмана и услышал радушное:

— Заходи, заходи, Павлович! Рад видеть.

Все такой же собранный, подвижный. Есть в нем уверенное спокойствие, присущее людям, которые уверены в себе, знают дело, которому служат.

В зимнюю стужу окно кабинета распахнуто настежь, не признает Пикман ни малейшей затхлости. В кабинете ветерок гуляет, а он в пиджаке и сорочке, налегке.

— Заходи, садись,— сказал, надевая очки в тонкой желтоватой оправе, «для дали», вместо тех, что снял и при появлении Нежданова положил на стол.

Сказал так добродушно и приветливо, что Николай Павлович ощутил неожиданный спазм в горле. В Самотлорнефтепромстрое обычно встречали иначе: часами бесплодно ждал в приемной. Все в Григории Ильиче импонировало Нежданову: жесты, голос, поведение.

Сев на стул перед Пикманом, посмотрел выжидательно. Григорий Ильич начал без обиняков. Видно было, рад возвращению бригады в родной трест, надеялся, что будут работать еще более слаженно, чем пре-

жде. КС-3 — станция опытная, на отечественном оборудовании. Она будет полигоном отработки компрессоров и всей другой технологической оснастки. Получится как надо — быстрее запустят оборудование в серию. Потому очень важно ужать сроки строительства первой очереди.

— Мне известны твои соображения, и я предлагаю тебе услуги начальника штаба «эстафеты». — Пикман надел очки «для близи», углубился в листок, испещренный мелким бисерным почерком. И он готовился к встрече. — Наставником и куратором быть на таком объекте и с такой бригадой — почетно. «Рабочая» заранее, в целях ускоренной сдачи, обусловит обязанности всех без исключения исполнителей и поэтапную сдачу.

— И порядок на площадке, — не удержался Николай Павлович.

— Конечно. Постепенно расширим число генподрядных операций, поможем тебе с экономистом, бригада будет работать по единому наряду. И с инженерно-техническими кадрами поможем, заинтересуем их морально и материально.

Удивился в душе Нежданов, порадовался энтузиазму Пикмана, который в свои семьдесят с гаком мыслит светло, говорит уверенно, веско.

— Весь трест специализируем на газлифте, перерабатывающие заводы — на завершении. Поставим задачу: в год — две очереди КС. На вашем опыте пусть другие бригады учатся.

— О «рабочей эстафете» и образцовом порядке мечтал еще в Самотлорнефтепромышленное, не довелось осуществить по причинам известным, — отметил Николай Павлович. — Так что пойдем с охотой на это, заключим и подрядный договор с администра-

цией, и договора с субподрядчиками о поэтапной сдаче объектов.

— Это только начало,— увлеченно подхватил Пикман.— Разработаем специальное положение, с ним обратимся в министерство.

Вон куда махнул. Снова спазм перехватил горло Нежданову: то, за что он боролся годами, продираясь сквозь частокол противодействий, само стремилось навстречу стараниями человека, не признающего никакой затхлости.

Нежданов помнил: посреди непролазной грязи был проложен в Нижневартовске первый кусочек уличной бетонки, первый обетованный островок будущего города. На нем учинили импровизированные танцы под гармонь. Пикман, тогда управляющий Мегионгазстроем, отплясывал вместе с дорожниками, уложившими плиты, кружил девушек в резиновых сапогах, спецовках. И сам был в болотниках... Первая бетонка города, первые каменные многоэтажки, аэропорт — везде его участие.

Слова, ладно пригнанные, мыслеемкие, складываются во фразы, в композиции фраз, предельно точных по назначению. Вот где стрела, поражающая цель!

— Создание станций развернем по новой структуре: трест — объект, без промежуточных звеньев. Управление изживет себя. На объекте будут свои ИТР: начальник, заместитель, мастера. Будут экономист, бухгалтер. Узаконенные. Объекта в натуре два, второй — задельный, резервный. Передав фронт работ монтажникам, бригада перемещается на задельный. Но как только предыдущий сдадут под пусконаладку, она возвращается навести общестроительный марафет. Поток? Да! Так создадим условия для сдачи двух КС в год

крупной генподрядной бригадой. Благодаря поэтапности и внутренней специализации, благодаря тому, что будет настоящий подряд, и бригада станет подлинным хозяином на площадке от «нуля» до сдачи объекта «под ключ».

Пикман излагал четко, не раздумывая. Видать, загодя основательно продумал, взвесил и теперь без затруднений клал слово к слову, как опытный каменщик кладет кирпичи в здание.

— Экономия средств при ускоренном пуске — вот резерв, из которого поощряются все исполнители. Как, в какой мере поощряются, надо еще обдумать.

Нежданов с удивлением подметил, что Пикман оперировал его собственными выкладками, с которыми Николай Павлович выступал на парткоме Самотлорнефтепрома, со всей горячностью говоря об упразднении управления и подчиненности крупных хозрасчетных бригад тресту. Правильнее будет сказать, его экспериментальному подразделению. А также о заинтересованности линейных ИТР, о задельном участке и распределении премий советом бригадиров. Именно совет бригадиров определяет коэффициент участия каждого из субподрядчиков в общем процессе. И что же?! Васюта и его сторонники откровенно поиронизировали, и у него закрались сомнения в своей правоте. Пал духом, пригорюнился, сник на какое-то время. И вот — еще более неожиданное, чем в Москве. Или ослышался?

А Пикман продолжал говорить:

— На объекте при новой генподрядной системе будет общее партийное, комсомольское и профсоюзное руководство. Это для наибольшего влияния на ход стройки. Реальной силой станет и совет бригадиров.

Не разнородных, одного коллектива работу будет координировать. Соцобязательства — согласно месячным целевым заданиям. Итоги подводить еженедельно с учетом механизмов, транспорта, сохранности материалов и оборудования, производительности. Так «эстафета» в купе с подрядом обеспечивает участок-поток, при котором каждый будет знать, за что и кто будет отвечать. Есть резон отрететировать на «тройке». Со ступеньки на ступеньку — к совершенству. Не сразу придем к нему. Однако дело не терпит отлагательств.

— С техникой как будем? — поинтересовался Нежданов. — Это своего рода каменное преткновение.

— Когда полностью перейдете на подряд, бухгалтерия затрат сама покажет, насколько что выгодно. Возможно, придется брать технику в аренду, — не отступил назад не стужевался Пикман. — Может, сами откажетесь от «своей» техники, когда начнете считать. При подряде это неизбежно, иначе какой же это подряд и какой хозрасчет.

— В любом случае малая механизация необходима. Опытom проверено, что крупные мотоединицы больше съедают, чем отдают. С чужими механизмами и механизаторами проигрыш очевиден.

— Возможно, я не отрицаю, сама логика подряда выведет на истину. Одна ступенька запросит другую, та позовет к очередным совершенствам, и в конце концов определится разумный вариант. Понятно, что лучше всегда иметь технику под рукой, на всякую необходимость, но платить за нее умеренные деньги тоже накладно и обременительно. Я это пока условно, у меня нет твердого рецепта, да и не надо... Подряд тоже езда в незнаемое, тот не ошибается, кто всецело следует инструкции.

Пикман прошелся по кабинету и снова задержался перед Николаем Павловичем.

— Твои соображения? Чем больше встречных вопросов, тем ясней обстановка.

— Вы, Григорий Ильич, правильно заметили: очень узкий набор операций у генподрядчика. Я говорил это много лет назад и говорю сейчас. Можем монтировать корпуса и эстакады из панелей и металлоконструкций, забивать сваи, вести отделку. Со временем, благодаря внутрибригадной специализации, сможем делать все, кроме сугубо специальных работ.

— Давай так,— предложил Пикман.— Ты выскажи свое, я свое выскажу, а потом из всего сказанного выведем золотую общину. И убедительными доводами докажем свою правоту скептикам.

— А то зачастую подряд у нас лишь на бумаге,— оживился Нежданов.— Стало модным, вот и бравируют для красного словца: таких-то там-то, действующих по методу Злобина, поддерживаем и направляем, результаты превосходные. Нет краснобаям дела до того, что сваи нам забивают как попало, зачастую вкривь и вкось, не до отметки. Некоторые сваи при забивке обламывают. Их бы откопать, надеть на них оголовник да трубу, залить бетоном. Морочка!— Нежданов хмурится, досадливо машет рукой.— Из-за равнодушия некоторых руководителей топчемся на месте. Докатились до того, что нам на заваленный подрядный объект снова предлагают заключить договор. Разве допустимо? Отказались из принципа.

— Прибедняешься... Я интересовался. За пятилетку у тебя объем строительно-монтажных работ по генподряду выполнен на 107 процентов, выполнение собственными силами на 113, выработка на одного рабо-

чѐго — тоже 113. Ежемесячно каждый член бригады сэкономил государству по десять рублей. Всего за пятилетку бригада сдала объектов на 26 миллионов рублей.

— Могла бы сдать больше...

У Пикмана среда экономический день, на совещании с представителями управлений разбирает деятельность за неделю. Его уже ждали.

Нежданов вышел на улицу. В воздухе висела морозная дымка. Он не запахнул полушубок, шел, думал и удивлялся снова и снова свежести мышления Григория Ильича. Видимо, на самом деле настало время подряда. Раньше не находил встречных откликов, потому что не созрели условия. Но всегда делал все возможное для того, чтобы время это настало.

Свежий ветерок

Наиболее удачливым был подряд на КСП-16. При всех издержках, которые все-таки имелись, вспоминается о нем всегда с теплотой. Это был пик, после которого, с назначением Васюты управляющим, началась потеря трудно отвоеванной высоты.

Нижневартовск построен на песке. С самолета открывается глазу светло-желтое пятно посреди бурой, испятнанной ржавью болот тайги с тусклыми линзами, завитушками, прожилками и прочерками озер, проток, речушек с прихотливым извивом, водоемов самых разных конфигураций. Воды много, она всюду.

Хлипкую переувлажненную почву для устойчивости засыпали толстым слоем песка. В ненастье образуются глубокие коле

от машин. В сушь от ветра вздымаются завесы песка и пыли, которые слепят глаза, хрустят на зубах, сбивают дыхание. А облагородить микрорайоны, засеять хоть какой-нибудь травкой не удосужатся: некогда, не до этого, прежде всего нефть, а остальное потом, когда руки дойдут.

В шестидесяти километрах от города — животворная свежесть тайги. Сосны, березы и осины вплотную подступали к стройплощадке КСП-16, радовали красотой, хмелили свежестью.

Утренняя разнарядка в дощатой уютной бытовке с большим столом посередине и скамьями вдоль стены — скорее дружеская поверка, все ли живы-здоровы, в добром ли настроении. Каждый с прошлого вечера знал, чем ему надо будет заняться, коррективы незначительные.

Обыденно лаконичная речь бригадира, обоюдное понимание. Теплота в отношениях между членами бригады чувствуется во всем. И сейчас, когда ребята переодеваются за стенкой, слышен добродушный голос Виктора Альбаса, подтрунивающего над товарищами в соответствии с обстановкой: «Дождь идет, а мы на лыжах, гром гремит, никто не слышит...»

Если бы голоса коллекционировать (а почему б и нет!), его напряженный бас занял бы особое место, как редкая марка. Настолько колоритный, густой, что потрогать хочется.

Шутка по поводу дождя не в бровь, а в глаз: впрямь заморочило. От обильных испарений долго ли собраться облачности? Вначале тонкой пленкой затянуло небосвод, потом уплотнило образовавшейся тучей с радужными от солнечного просвета краями. Вот-вот хлынет ливень. Летом на Севере они не в диковину — бурные, хлесткие. Обрушат-

ся, прошумят — и как не бывало. И снова властвует солнце, ясное, жаркое. Почти как в Крыму.

Денек сегодня в масть. Даже вдали от кирпичных громад города, посреди тайги, одолевает, теснит зной.

Бригадиру до всего дело. Заботят его всякие мелочи, касающиеся не только дела, но настроения людей:

— Что невеселый, Володя?

— Выпил вчера немного, голова болит, — признается тот, опуская виноватый взгляд.

— Значит, пить тебе совсем нельзя, — говорит молодому рабочему. — С головой не шути.

Паренек направляется к маленькому, на гусеничном ходу экскаватору, именуемому среди рабочих «гусачком». Затарахтел экскаватор, зашлепал гусеницами по направлению к «пятакам» — основаниям нефтяных резервуаров. Следом за ним пошел и Нежданов. В просторной спецовке он казался приземистой, полнее. Из нагрудного кармана куртки торчал, выблискивая, металлический зацеп авторучки.

Неторопливо, спокойно отдает Николай Павлович распоряжения — с таким видом, будто мысль ему подали другие, он лишь одобрил. И членам бригады все время кажется, что выполняют работы не по наказу бригадира, а как самим нужно.

Подобная манера обращения благотворно действует на людей, способствует прилежной работе.

«Испокон века на Руси искали смысла в труде, никто не хотел самотека, — думает Нежданов, шагая по площадке-территории. — Хорошо это! Дом ли, сарайку или другую какую постройку ладили, представляли при этом отчетливо цель и средства,

в противном случае иронизировали: «Овчинка не стоит выделки». Так и говорили рачительные: не схотел, а «подрядился построить». Значит, довести до ума с учетом возможных затрат и компенсаций за труд вплоть до «магарыча».

Удивляться ли, что идея всплыла снова? Сперва в Подмоскowie у Злобина, затем в Мурманске у Серикова и вот заявила о себе на Самотлоре.

Вот они, «пятаки», — по краю площадки. Один составлен из плит. Для основания соседней нефтяной емкости — булита — готовят подставы-монолиты до пояса растелешенные два мускулистых парня. По брюкам, по гимнастеркам и фуражкам с зелеными околышками можно понять: бывшие пограничники. Так на деле и есть: год назад Валера Данилов с Гришей Кравченко уволились в запас и сразу сюда — по комсомольским путевкам. В зимние холода угодили. Бетон мигом твердел, его приходилось отогревать огнем, самим — отогреваться работой.

Валера — курчавый, с едва заметными белесыми усиками. Он несколько выше товарища. У Григория широкие плечи. Чем-то похож на бригадира — не внешностью, а сноровистостью. Свои обязанности звеньевго выполняет добросовестно, основательно. Здесь же одна из рабочих его звена Таня: совковой лопатой разравнивает песок, а бывшие пограничники сколачивают опалубку для бетона.

Прежде бетон в опалубку подавали вручную, на носилках. Полбригады занималось этим. Гришина команда догадалась приспособить вдоль ростверков дощатый въезд «Татрам» и сыпной бункерок, чтоб дать направление бетону.

Нежданов похвалил ребят за сметли-

вость, а Таню, персонально, — за старательность. Она работает на Самотлоре гораздо дольше, чем звеньевой, и Гриша подчеркнуто уважителен к ней. Стаж на Севере всегда ценится, потому что он пополняет опыт. И это — ценное приобретение для работы в суровых условиях. Таня приложила руки к знаменитой нынче «десятке» — КСП-10, на «шестнадцатом» преуспевает.

Парней Нежданов именует «ребятишками», Таню и остальных представительниц слабого пола, которых, впрочем, здесь называть слабыми нельзя, — «девчонками». И столько в этом отеческой теплоты, словно речь идет о его собственных детях.

Бойко орудует Таня совковой лопатой, черенок которой чуть ли не с нее высотой. При надобности и мастерком управляться может. Во всем усердная, на все горазда. Вот «пятаки» под веничек обиходила, смела с плит цементную крошку.

Нежданов махнул кепкой, и «гусачок» подался к «пятаку» из плит, по форме действительно напоминающему круг. Николай Павлович ждал у основания резервуара, и полы спецовки раздувались парусами.

Ждала экскаватор и Таня. Радовалась каждой встрече с водителем «гусачка», и неспроста: Володя — ее муж. Любовь к нему от бригады не утаить, выдает Таню трепетом ресниц, зоревым румянцем на щеках.

По указанию Николая Павловича Володя отрыл траншею вокруг «пятака» и потом, приварив к нему стерженек заземления, принялся помогать звену: неждановская система в действии. Механизаторы — универсалы, можно использовать повсюду в зависимости от их умения и мастерства. Поэтому что свои они, бригадные...

Тонким шмелиным гудом нудели аппа-

раты дожимной станции, работали насосы, перегоняющие нефть из скважин. На «десятке» из нее отделят воду и уж потом направят в стальную артерию. С пуском термохимической установки и товарного парка КСП-16 станет рекордсменом по сбору и переработке «черного золота» до категорийных кондиций, обгонит по производительности «десятку», и промысловики то-ропят.

Часто наведывающегося начальника пункта Нежданов просит по возможности упростить подземные коммуникации, во избежание болотных пагубных влияний вынести наверх. КСП экспериментальный, здесь ошибаться очень бы не хотелось. На «десятке» если не учли что-то, на «шестнадцатом» внесут поправку. Иные аппараты совмещаются или вообще не монтируются. Например, вместо первой ступени сепарации — внушительных батарей булитов — на эстакаде обыкновенная труба с немного мудреным названием — трубчатый сепаратор. В его создании есть заслуга и бригады, заинтересованной в простоте и бережливости: чем меньше нагромождений, тем лучше. За своевременный пуск, и тем более пуск досрочный, бригаде, как отмечено в договоре, полагается премия. Но главное не это, главное — доброе имя неждановцев. Потому работают они не ради собственной выгоды, а ради благополучия введенного ими в эксплуатацию объекта, ради уверенности эксплуатационников: сделано на совесть.

Бригадир снимает кепку и наружной — ворсистой — стороной утирает пот со лба. Оглядывается на «гусачок», из-под которого торчат ноги в спортивном трико. Это Володя, закольцевав траншейку и пособив товарищам по бригаде состыковать плиты «пятака», удостоверяется в исправности

экскаватора. Ведь свой, бригадный, значит, и догляд должен быть особый.

Бригадир тоже лезет под машину узнать, что же там случилось.

Николая Павловича осаждает съемочная группа, уже отснявшая восемнадцать километров пленки для фильма «Сибирская нефть сегодня и завтра». Ей непременно подавай Героя Социалистического Труда, делегата партийного съезда. А Нежданов не только Герой, он еще к тому же и новатор по части подряда в промышленном строительстве — за тысячу верст от Тюмени, в тяжелых условиях. Нежданов показывает на Володю, что возле «гусачка» утирает ветошью руки:

— Основная ударная сила. Он у нас вместе с женой — ветераны. Девятнадцатый километр пленки — для них. Чего теряетесь?

Съемочная группа снимает Володю, Татьяну, да и других членов бригады. Так увлеклась, что забыла об основной своей цели появления здесь. Когда спохватилась — обязательный персонаж сценария уже исчез с площадки. Растерялись было операторы, но Николай Павлович вдруг сам объявился. Улыбается:

— Увековечили супругов — добро! Почему Нежданов должен мельтешить без нужды? У нас каждый по-своему хорош, каждый герой...

Перед обедом запустили бетономешалку. Альбас вверх-вниз штурвал подавал, не сразу барабан опрокидывал, давая раствору понежиться, «дойти». Потом его струйкой пускали на носилки, а с них Валера и Григорий разливали под булит. «Девчонки» бетон старательно разглаживали в тесном пространстве под булитом — на корточках, в наклон.

В результате бригадной заинтересованности простоев здесь не бывает. Каждый готов прийти на выручку. На бульдозер, экскаватор и остальные механизированные «единицы» — неосвобожденный механик. ДТ с его помощью полностью перебрали, заменили коленчатый вал. Был кран, который тоже привели в порядок, но его затребовали обратно в управление, приходится всякий раз вызывать из города.

По пути на КСП механик подобрал кем-то брошенное у бетонки ведущее колесо ДТ: может пригодиться. Чужой механизатор бы взглядом не удостоил. Личный интерес (моя техника) увязывается с общим (сдачей КСП).

Вдруг из заблудшей шальной тучки дождь хлынул. Серая рубаха Альбаса, стоящего у бетономешалки, вмиг испятналась каплями, словно картечью в него пальнули. А он рад ливню, шутит: «Дождь идет, а мы на лыжах».

Дождь перешел в ливень. До земли изобильными корневищами, деля оком на части, прорастают молнии. А вот шаровая молния. Подплыв близко, нацелилась опасно в Альбаса. Бетономешалка четко-часто стучивает: «так-так-так». Под булитом, не ведая о светящемся вертком шаре, не видя го, напевают «девчонки»:

Строим град нефтяной
В дальней дали сиреневой
За Обью-рекой...

Голубоватый сгусток энергии, вращаясь шипя, круто берет к лесу и там лопается яркой стремительной вспышкой, будто с легким звоном разбивают лампу. Альбас трепенулся:

— В газете читал, что к ней надо лицом, она шаровую притягивает. Я и глянул в

упор, пуганул ее, анафему,— балагурит.— Институт молний через газету просит очевидцев сообщить подробности поведения шаровых девиц-красавиц. Вот и сообщить, как моего взгляда трухнула. Она может в трещину проникнуть, но чаще через открытое окно с потоком воздуха. И обратным курсом — из комнаты норовит повторить путь. Мудреная...

— Так сообщи.

— Адрес института забыл.

— Со страху, поди...

Дождь сыплет и сыплет. Гром всколыхивается лениво, неуклюже. Курчавый сосняк возле площадки вызывающе ярок, благоухает терпкостью хвои. Зеленый костер, да и только. А тут еще в утешение подкатил долгожданный кран. Бородатый машинист в тапочках на босу ногу, без рубахи — чего ж, мол, под дождем-то мочить. Его сразу же отрядили укладывать плиты «пятака».

Машинист строго:

— Работать буду только со стропальями, у которых удостоверения при себе. Такой приказ начальника. Нас инспекция жучит.

Альбас и Анатолий Крестов переглянулись.

— Ну что ж, оставайся, старче, сутки на троих, харча здесь вдоволь: грибы, ягоды, кислица. Шишек можешь нарвать,— напуском серьезно советует Анатолий. Усмехнулся бородач, подобрел. Доверительно сказал:

— Беда прямо, все краны опечатала инспекция. С сотней предписаний.

— У нас в бригаде не опечатала бы. Поторопились забрать.

— И у вас опечатала бы, РГТИ все равно, чья бригада, у кого опечатывать. Закон для всех одинаковый...

Мешкать некогда. И вот уже Альбас и

Анатолий контргруза-опоры крепят. Кран заработал, монтируя плиты в «пятак». Их незадолго перед этим доставил шофер с простодушной физиономией, которому только путевку отметить:

— Ташкентские заберите.

— Лучше б они яблоки из Ташкента слали, чем битый-ломаный железобетон. он за дорогу дорожает, золотым становится. Надо бы готовить плиты в Тюмени или здесь, на месте,— ворчит Николай Павлович. Он лично следит, чтобы не повредили при выгрузке продукцию золотой транспортной стоимости. Терпеливо ждет у «пятаков», наставляя стропалей, чтоб не сместили при монтаже заступ-площадь опоры на ростверке-основании, иначе придется плиты пере-кладывать. Требования у заказчика жесткие. Не запроцентует сделанное — не получишь деньги. Постоянно куратор дозорит. Неждановцы стараются состыковать плиты тютельница в тютельница, до сантиметра. Только потом заливают швы бетоном. Нет ничего досадней, чем разрушать свое же. Не последнее и престиж бригады.

Нежданов самолично измеряет рулеткой заступ-площадь опоры каждой плиты и, довольный, констатирует:

— Порядок!

Валера с Гришей, оставив ломы, обсуждают переход одного из них в автобазу. Дело решенное. Николаю Павловичу жаль терять Валеру, привык к нему, но понимает, жизнь не остановишь. В автобазу и на трассу уводит призвание, с ним, как с душой, считаться надо. Тем более что велик соблазн получить на стороне жилье, свой бригадный дом пока что в призрачном будущем.

Нежданов подал мысль, и она, усвоенная бригадой, стала коллективной, а потому действенной. Каждый потрудится на доме

80 часов, отделявая свою квартиру во внеурочное время с помощью друзей и родственников. Вот дадут сваебой, возьмутся за фундамент, а после сдачи КСП займутся кладкой. Нежданов, недурно владея нивелиром, произвел привязку стройплощадки на местности.

Опять пришлось бригадиру наведаться в главк, убеждать, что только так можно остановить текучесть кадров, подряд при всех его плюсах не всесилен, не удержит одними производственными интересами. Людские потери Николай Павлович переживает острее всего. А сколько потерь из-за крыши над головой было да и будет еще...

Сложны, многопластовы неувязки, и каждая — как розгой по нервам. Некстати экспедиторша пожаловалась:

— Я уже заявки отчаиваюсь давать — нет материалов. А кроме вашей есть шесть «точек».

Стараясь быть спокойным, Нежданов советует, где и как «выбить», не полагаясь на случай:

— Воюй за каждый мешок цемента, ящик гвоздей, деревоплиту...

С краном по-прежнему неясно, все еще дебатировать о целесообразности техники в бригаде — не роскошь ли? Нежданов, вздыхая, перезастегивает пуговицы спецовки, сетует диспетчерше (у кого что болит):

— Нас минувшей зимой три месяца мариновали на проштрафившемся участке. Чего бы проще: создать тоже крупную комплексную, дать ей механизмы — и разворачивайся на доброе здоровье. Без техники, как ни крути, отдача ущербная. Эх, экономиста бы! Нам нужен повседневный и даже почасовой исчерпывающий анализ. Так что

давай к нам, Нина. У тебя специальное образование, практика, ты нам подойдешь,— не впервой агитирует.— Вот выхлопочу ставку — и айда, снабженец из тебя аховый.

— Из меня при здешних объемах и темпах и экономист никудышный, ни то ни се. Так что уж лучше быть средним снабженцем.

— Спасибо за искренность. А есть голова на примете?

— Есть, Николай Павлович. Такая голова, закачаешься. Земляк мой из Луцка, Илья Резник. Вот это голова, прирожденный плановик-экономист. И по образованию, и по призванию. Но согласится ли к черту на кулички при его должности и авторитете?

— Заранее не паникуй, может, он всей душой и нужен лишь повод к перемене. Дай-ка адресок, черкну прямо на контору в Луцк. Попытка не пытка.

После приглашения Нежданова Резник не сразу решится приехать на Север и тем более пойти в бригаду, но в конце концов приедет, у Николая Павловича появится еще один единомышленник. При одной из первых встреч поведает Илье:

— Большое даром не дается, его надо выстрадать. В каждом большом деле убежденность нужна. Откуда она? Из опыта, из надобности и душевного настроения на большее. Я свое понимание подряда выверил двумя строительными десятилетиями да еще Уралмашем. Завод при его отлаженности уже сам по себе, как и подряд в строительстве, учит порядку. И вот пришел к выводу, что подряд пророс из потребностей жизни, потому любые завалы пробьет...

Это — потом, когда будет в бригаде экономист, человек действительно творческий. Поймет Илья Владимирович нужду Нежда-

нова в нем, проникнется его заботами, станет ему доброй опорой.

...Летний дождь короток. Струистый его навес редееет. С булита срываются на бетон веские бусины. Отмытый дождем сосняк зеленеет свежо и юно.

Невольно Николаю Павловичу вспомнились давние грозы его босоногого детства, воспринимавшиеся тогда жутко-весело, завораживающе. Более всего впечатляли летучие августовские, с дальними оглушительно-громоздкими перекатами, сотрясающими воздух и землю...

Опять к нему подошел начальник пункта. Он недавно на Севере, восторгается без меры:

— Павлович! Наисовершеннейшая оснастка. Термохимическую установку и трубчатый сепаратор вижу впервые. У нас в Чечено-Ингушетии масса обслуги, громоздкие установки, а «шестнадцатый» при его несравнимой пропускной способности можно измерить шагами. Павлович! Со вчерашнего дня даем свыше семидесяти тысяч тонн в сутки категориейной.— Радует бригадира и сам радуется, руки потирает:— Будет термохимическая, вовсе шик, взмахнем крыльями, Павлович!

Начальник пункта ведет журнал стройки, сверяя исполненное с институтским проектом, отмечая этапы сдачи. О качестве и количестве рьяно печется.

Рядом с Николаем Павловичем все становятся деятельней, борются за достижение общей цели. И в этом достоинство бригадира—в умении материализовать свои принципы, сделать их реальностью.

«Придется повоевать»

Главный инженер треста Котляр роста среднего, характером мягкий, в меру строгий. С ним приехал инженер по технике безопасности. Ей явно нравится у Нежданова. Раздает билеты для предварительной экзаменовки и, пока Котляр на площадке у «пятак», «репетирует» наводящими вопросами:

— Правила подъема груза двумя кранами?

Чернявый Альбас, раздумывая, смотрит на женщину.

В бытовке сумрачно. На оконном стекле плющатся, сбегают извилисто дождины. И солнце! Две стихии работают разноскоронкой, не мешая друг другу. Солнце — уверенней, чем дождь, сыплющийся из оскудевшей тучки. Третья стихия — неизбывный ветерок — резвится в сосняке и на площадке.

Альбас наконец нашел ответ, а потому обретает обычную браваду:

— При подъеме груза двумя кранами скорость подъема должна быть одинаковой. И нужен при этом ответственный за безопасность.

Он разошелся. Берет еще билет.

— Порядок подачи сигналов? Для начинающих ликбез!

Радостно-горделив своими знаниями. Рубаха на Альбасе, прополосканная дождем, просыхает, парит, из темной снова становится благопристойно серой.

При появлении в дверях Котляра мгновенно смиряется, и женщина напускает официальность. Эстафета уже по-настоящему переходит к бывшим пограничникам — как военный устав, отбарабанивают Валера с Гришей по билетам. И «девчонки» молодцы. Лишь Володя спотыкается:

— Я это по-своему понимаю, не как другие.

— Что-то новое,— вскидывает колючие бровки Котляр.— Не можешь словами — изобрази жестами, элементарнейше.

— Пусть он сам,— останавливает женщина-инженер пытающуюся спасти супруга Таню.

Альбас, может быть, от огорчения, что Володя теряется, принимается жевать луковое перо. Всем как-то неловко, будто это они сами «плывут». Выручает бригадир:

— Володя у нас по машинной части спец, обожает технику, а к такелажу не лежит у него душа. Склонность у парня механизаторская, зачем неволить.

Котляр ставит в ведомости зачет, и все облегченно вздыхают. Сразу задвигались, загомонили. Решительным жестом Альбас выбрасывает остатки пера в окно.

Котляр среди этого всеобщего ликования (много ли для счастья надо!) наставляет прораба из другой бригады, готовя его на замену собравшемуся в отпуск коллеге. Из-за этого и завернул. Вместе с подменным размечает линию пожводопровода, ставит вешки, чтоб по ним били сваи. С прорабом Котляр любезен, приветливо-доверителен:

— Сейчас по Северу эпидемия приписок. Механизатор работает семь часов, а требует подписать за день двенадцать. Откажут — сыщется любой предлог для безделья: то вдруг не окажется масла или сойдет трак, то застучат клапана. Плановики руками разводят: «А пусть не подписывают, не будет приписок». Не подпишут вторично, он вообще не покажется. Его на других точках с распростертыми объятиями примут. Чужой механизатор — враг производству и бригадам, прав Нежданов. Вон,— показывает на

безмолвный сваебой,— стоит — и не притронешься. На замке. Считаю, техникой в бригаде Николай Павлович произвел революцию.

— Это уж как есть, не чужим умом живет, собственным,— подводит черту подменный.— У нас в бригаде к нему с уважением относятся, намерены соревноваться.

— С сильным соревноваться всегда полезно, а с Неждановым еще и почетно. Не всякий отважится.

Пожводопровод, как и весь КСП, экспериментальный. Трубу поместят все-таки поверху на сваях, а не как обычно, в глубину. Удобней так в эксплуатации, а главное, долговечней. Все заинтересованы в новинке. При подряде и пожводопровод общий, бригадный. Никаких сторонних вещей на площадке.

Готовый «пятак» мажут девчата горячим битумом в смеси с бензином. Смесь кипит, пузырится, потрескивает. Так увлечены Таня с Галей Мартынцевой, что Котляру тоже захотелось поразгонять мастику по шероховатости плит.

— Сам собою решен вопрос дисциплины,— радуется он.— Раз прогулял, второй — предупредят, а на третий — попросят вон из бригады, кому охота нахлебника держать.

Подменный прораб недоволен задержкой. У них там сегодня торжество — сдача родственного КСП, по этому случаю зажигают факел. Морщится, как от лимонной кислоты, томится и науку главного инженера воспринимает без энтузиазма. Но неожиданно делает оптимистический вывод:

— Отменный народ северяне. Приезжают работать и заработать, с них можно спросить, не то что порою на Большой земле.

Котляр, размечая вкруговую пожводопровод, втыкая через равные промежутки вешки, возражает:

— По Нежданову не суди. У него люди в бригаде ценными становятся. А северяне тоже всякие бывают. Не идеализируй.

— Что и говорить — на то и есть Нежданов,— проворчал подменный.

— Это уж точно,— соглашается Котляр, словно не замечая пессимизма. Резко, как флагшток, втыкает в песок последнюю вешку, бьет ладонью о ладонь, снимая сосновую налипль. По-кавалерийски, вприскок, идет к бытовке. Шаг его скор, стремителен. Котляр будто летит, погоняемый ветерком.

Замечает краем глаза: Володя, счастливо отделавшийся на экзамене, притарахтел на ДТ к «пятаку». С прицепленного к трактору листа-противня «девчонки» лопатами счерпывают вязкий бетон, чтобы им залить швы плит. Худенькая Галя агитирует:

— Непременно побывайте на Сумщине, проведите отпуск в моей деревне Липовая Долина, честное слово, не пожалеете.— В голосе и на лице у Мартынцевой восторженность.

Ей, горячась, возражает Таня:

— Нашу с Володей Каховку ни на что не променяем. В отпуск — только в Каховку. Соскучились, истосковались. Сюда попали осенью, в грязь и пасмурь, я поначалу растерялась. «Влипли»,— говорю, а Володька мой смеется: «Вылипнем, если захотим: на самолет — и тью-тью... Обыкновенно».

Слыша их, Володя добавляет:

— Каховка — это удивительный город. И архитектура, и пейзаж пристанционный неповторим. Ширь и даль открываются взору. Коршуны в вышине над степью кружат, ласточки стремительно проносятся. Нет леса, а певчих птиц множество: с раннего утра писк, стрекот, цвиньканье. Заслушаешься... Бывало, лежишь в траве, смотришь в

Небо на проплывающие облака, и сладостно, истомно душе, плакать и одновременно петь хочется.

Володя высунулся из красной кабинки, не снимая рук с рычагов. Говорит, но о деле не забывает. Лишь только «девчонки» освобождают лист, уезжает за следующей порцией груза к бетономешалке возле булита. Здесь свой особый ритм. И слышится в нем глуховатый тембр Нежданова:

— В любой ситуации не ожидать, а действовать. И чтоб каждый шаг был со смыслом.

В бытовке инженер по технике безопасности оформляет удостоверения, перед ней по другую сторону стола — Альбас.

— Моя физиономия не помещается в объектив, как быть с фотографией?

Но фотографию находит, как только Нежданов замечает укоризненно:

— Витя, сам не работаешь и отвлекаешь человека от дела.

Нетрудно угадать: Альбасу нравится женщина, за балагурством скрывает симпатию, но не будет же выкладываться напрямую.

Нежданов отмечает в настенном графике исполненные объемы. Меньший результат у монтажников, и Нежданов недоволен:

— То у них нет «железа», то людей. То чертежи не таковские. Ищут любые увертки в оправдание, а между тем проблемы обустройства Самотлора и дальних месторождений остаются. Управление наше — фактически лишнее звено, ни техники, ни материалов у него, ни административных возможностей для подряда. Премия и та через трест. СУ лишь фиксирует результаты, чтобы обеспечить премии себе и тресту, а что до сдачи объектов — это дело кислое. Увидите в конце года, что получится. Ерунда на

постном масле получится. Планирование на манер симулирования: любым способом нагнать объемы. Крупные комплексные бригады по закону целесообразности должны выходить прямо на трест. На Самотлоре в экспериментальных условиях это просто необходимо. При тресте нужна группа организации и подготовки производства, инженерное повышенное соучастие. Вот что!

— Соображения любопытные,— отмечает Котляр, собираясь возвращаться в город.

Нежданов, отложив фломастер, говорит с воодушевлением:

— На планерках в тресте вместо главных специалистов и администраторов будут бригадиры, мастера — люди с мест. Они лучше знают обстановку, точнее выразят суть да дело. В свою очередь группа организации и подготовки, материально зависимая от бригад, всеми силами и средствами станет способствовать им. Связь взаимобязывающая.

— Не всем придется по нраву,— бросает Котляр уже с порога, торопясь.— Придется тебе, Николай Павлович, повоевать, поконфликтовать, чтобы утвердить истину. Будет много разных мнений по этому поводу. Помни мое слово, назревает драчка.

— К ней привычны.

Котляр с инженершей уехали, а Нежданов и его бригада в обычно бодром настроении принимали добытый все же экспедитором Ниной железобетон. Готовя фронт на завтра, мастерили опалубки.

Поутру Николая Павловича срочно вызвали в Тюмень. Успел лишь известить об этом своего заместителя Булата Азаматова. Человека толкового, дело знающего неплохо.

В первые же дни работы без Николая Павловича бригада осталась без крана. Бородатый машинист нагрубил инспектору РГТИ, и его лишили прав. Пришлось вместе со всеми вбивать сваи под пожводопровод. Подгонял по отметкам, выражая свое недовольство по адресу инспектора, грозился уволиться. Крану учинили досмотр и вернули в управление.

Забрать у бригады технику грозились и прежде. Иногда находили повод и забирали, исподволь тем самым срывая эксперимент. Но каждый раз вмешивался Нежданов и утраченное возвращал. Как-то будет на этот раз?

Солнца уже нет. Уныло, предосенне блекло. Нежданов все еще в командировке. Теперь фигура номер один на площадке — Булат. Подобно Николаю Павловичу, минуты не усидит на месте, разрешая производственные проблемы. Подняв неосторожно тяжелый насвайный оголовник, надсадился, но на больничный идти не хочет. Пора отпусков, а на севере они протяженные, — людей в бригаде поубавилось. А кто работать будет?

Жизнь на площадке бежит, как ручей с гор.

Всех мало-помалу втягивает пожводопровод, круглые сутки надевают на сваи оголовники, как шлемы, закрепляют бетоном, исправно доставляемым на листе-противне Володей. Уже готовятся положить трубу, утеплить надежной гидрофобной оболочкой.

Котляр нет-нет да и завернет. Как бы между прочим сообщил Булату, что и дру-

гие бригадиры порываются заключить подрядные договоры, просят технику, а не хватает всем. И людей в бригады не хватает. Это может отразиться на нефтедобыче. Как добывать? Летящими вахтами из других районов — накладно. Одни транспортные расходы чего стоят. Опять же без строительных мощностей не обойдешься. Завозят людей на помощь издалека, затраты ударяют по госбюджету, и круг снова замыкается на нехватке того-сего. Все труднее набрать людей здесь, на месте, а строители — они должны быть постоянными.

Когда вернулся Николай Павлович, Котляр полюбопытствовал:

— Выступал на пленуме?

— Просто информировал о наших нуждах, в первую очередь о подряде. Чем обходится Самотлору минута времени, какими потерями и обретениями.

— Знаю, управляющий против «бригадной» техники. Заявил как-то на аппаратном: «Пока новая — ладно, а подносилась, где восстанавливать? Загрузка на одной площадке недостаточная. На нас давят авторитетом Нежданова, понуждают сверху, но истина выше авторитета одной личности».

— Знаю, слышал басенку, — погрустнел Николай Павлович. — Только технику мы ремонтируем сами и не хуже управления. И загрузка предельная, не однажды просил сделать хронометраж. До сих пор не могут провести анализ занятости. Нет и экономиста.

— Пробовал возразить, — не притушевал остроты Котляр. — Но, по мнению управляющего, неждановых должно быть десятки, в одинаково трудных условиях. «Мы за массовость, а не за исключительность», — говорит.

— Слова! — бросил Николай Павлович. —

Управляющий в Москве на слете передовиков пообещал перевести на подряд эти самые десятки бригад, а каких и когда — не обозначил, до сих пор переводит. Формализмом любую инициативу загубишь. Я же за подряд в реальной обстановке, именно ре-аль-ной! Без показухи и демагогии. Не надо объяснять, как важно обустроить Самолтор. И вот мы расширили круг генподрядных операций, преобразовали бригаду в комплексную. Службы треста подготовили нам карты трудовых процессов и производственные графики. Бригаду усилили двумя инженерно-техническими работниками, ввели, пусть совмещенную, должность механика. Если б еще не гоняли на штурмы и авралы! — произнес с ударением на «не гоняли». — Первую очередь шестнадцатого КСП запустили на восемь месяцев раньше. Разве это не показатель?

— И наглядный. Вероятно, есть в подряде свои периоды и ступени. Как всякое живое дело, он должен развиваться, взрослеть.

— Именно так, а он хромает. К нему сообща бы прилагать руки, не одному Нежданову. Один в поле не воин.

— И один в поле воин, — возразил Котляр, для убедительности прищелкнув пальцами. — Но ты разве один? С тобой бригада, я... А сбой еще будут, велика сила инерции, тяготение к привычному. Управляющий сам по себе неплохой организатор, старается, но того не понимает, что настала пора иных форм и методов. Шумит, старается везде поспеть, чтобы личным участием восполнить недостающее, и от этого еще больше проигрывает. В таком случае противостояние неизбежно... Пленум обкома о чем?

— О том, как хозяйствовать, не останавливаясь на сегодняшних достижениях.

Вскоре бригаду перебросили латать прорехи на соседнем КСП, откуда прибыл подменный прораб. Там готовились к сдаче объекта. Собирались зажечь факел победы. Руководство не посчиталось с тем, что на подряде важны сроки сдачи прежде всего своего объекта, а не общее выполнение. Нагнать для отчетности объемы — не заслуга, важны и нужны действующие мощности. Странно, зажигают победный факел — и помощь... Не охватила там работающая бригада всего сдаточного цикла. И не удивительно: она на нескольких объектах выполняла работы, помогая кому-то, а когда потребовалось — попросила помощи у других. По принципу: пришили рукав, отрезали полу.

Как сейчас, много раз думал об этом Нежданов. Ехал на автобусе-экспрессе по дороге на Самотлор, глядя в окно, и думал, думал...

Изрытое тучами небо, почерневшие болота создают общий фон неуюта и уныния. Ветер колотится в стекла автобуса, треплет оголившиеся ивняки, стряхивая с веток остатки листовенного убора.

Николай Павлович одет не по сезону легко: в кожаную черную куртку, свитер и кепку, не ту ворсистую, в крапинку, а мягкую, бархатистую, с зелеными полосками, назади схаченную матерчатым ремешком. И «ребятишки» под стать: кто в куртке, кто в пиджачке или попросту рубахе. Привыкли, притерпелись к холодам, хотя к ним в общем-то притерпеться не просто.

Экспресс приседает, крякает рессорами, когда колеса попадают в выбоины бетонки.

За спиной над ухом у старшего «громыхает» Альбас, сыплет прибаутками. У него, постоянно взбудораженного, случались за-

сел: «Мы не сеем и не пашем, а копаем по-греба. Хол-ларио, холло, холло»,— напевает, укрепляя стекла в проемах боковин. Выше Альбаса сварщики, подстраховавшись монтажными поясами, «вяжут» эстакаду. Альбас нет-нет и помаячит им: как, мол, там у вас?

Завидны неждановцы внутренним единением, подолгу в одной упряжке. Вот и Таня, несмотря на холод, ловко управляет со своими делами. Несколько посolidнела даже, кажется, ростом выше стала. В глазах меньше девичьей мечтательности, непосредственности прежняя. Володя то дело подходит к ней: то словом приободрит, то ладошки отогреет.

Нежданов здесь же. Подтрунивает на Таней, над ребятами. В общении несколько оттаивает. Но стоит кому-то напомнить «шестнадцатом»— и настроение портится. Команды перебираться обратно все не штурмуют у соседей, а свои планы трещат. И это гнетет больше всего. В подряде та либо порядок, либо ничего. Потому агрессивен Николай Павлович по отношению к всякому «авось» с его неразберихами, порождающими штурмовщину.

Не отступать!

На обратном пути Гриша спросил Николая Павловича:

— Интересно, как формируется личность? Вас, например, что формировало?

— Помню, в пионерском лагере в Свердловском,— чуть подумав, ответил Нежданов,— потребовалось красочно оформить к празднику трибуну, я вызвался, бровольно и постарался на совесть. Зас

жил благодарность на общей торжественной линейке. Сейчас я бы это назвал самообязанностью: обязался — сделал. Так поступать всей своей жизнью учили родители. Отец с матерью, оба машинисты парового кузнечного молота, не избалованные судьбой. Нас, детей, держали в строгости — не покапризничаешь, не потребуешь лишнего. Умели они трудиться и нас сызмальства к труду приучили...

Наблюдательный Гриша невольно отметил, что, если присмотреться, лицо бригадира с резко очерченными бровями очень выразительно. Увлекаясь резьбой по дереву, он запечатлит потом Нежданова в этой позе, с этим потеплевшим от воспоминаний лицом.

— В армии меня назначили старшиной, — продолжает Николай Павлович, поглаживая ушибленное на работе колено. — Отнесся к этому как к суровой необходимости отвечать за других. Исполнял воинский долг подбаююще... В Магадане, увлекшись всерьез геологоразведкой, вкалывал в буровой бригаде прославленного мастера. Помнится, через непродолжительное время вызывает меня начальник экспедиции, предлагает принять отстающую бригаду. Усомнился я было, справлюсь ли. Но начальник убедил. К тому времени я уже курсы буровые кончил. Впрягся в работу со всей серьезностью. Бригаду настроил. В том же сезоне обошел по метражу Шевцова-передовика. Начальник экспедиции мне при встрече напомнил. Дескать, боялся, а вот лучшего мастера обскакал...

В Новосибирске заменил на бригадирстве Володю Марданова. Он защищал диплом в институте, вот и упросил. Что ж, справился и там. А когда приехал в Приобье, поставил перед собой новые задачи, сложнее преж-

них. Вот, как говорится, самообязался и шагал от сложного к более сложному.

— Бывал в Новосибирске — хороший город. — Гриша держался за спинку сиденья: сильно трясло на плитах выщербленной бетонки. — У меня там друг живет, резьбой по дереву увлекается. Это у него хобби — резьба по дереву, а вообще он, как и я, столяр. Самообязался... интересное выражение.

— Да, город хороший. Для меня ассоциируется с крупнопанельными домами новой серии, ритмом монтажа. Без отлаженного ритма стройка не стройка — расхлябанный автомобиль, сбивается в кюветы, чихает и глохнет. Подряд в таком случае надежное средство, не терпит бесхозности. Новосибирск в строительном и человеческом плане многое дал уму и душе. Рядом с хорошими, заботливыми людьми уяснил, что одного чувства ответственности мало, надо еще быть инициативным, чтоб не получалось так: не мое — и бог с ним. С равнодушия начинается недогляд. С этой философией и безалаберностью нам не по пути.

— Вполне согласен, — Гриша снял руку со спинки кресла: выдался кусочек асфальта перед городом, тряска прекратилась. — В таком настрое и трудись, дерзай, Григорий Кравченко, — хотел придать голосу шутливость, но шутливости не получилось. Не к месту она, слишком глубока мораль в услышанном.

Вспомнилось звеньевому, как в первой же встрече с Неждановым проникся к нему симпатией и не уехал, вопреки настояниям Валеры Данилова. Не уехал и не раскаивается. Интересно с Николаем Павловичем. Он вроде бы обычный и в то же время оригинальный. Привнося в хозрасчет и злобин

ские приемы свое, неждановское, добивается неплохих результатов. Как ни сбивают в сторону, остается неизменным.

Дома Николая Павловича ждал Котляр. Его газик-бегунок, стоящий под окнами, узнал издали. Котляр взволнованней обычного, что-то порывался выложить, но удерживался до поры. Начал обиняком:

— Ты правильно понимаешь вопрос субподрядчиков, без них подряд невозможен. Цель бригадного — сдавать объекты в срок и досрочно, с минимальными затратами. В этом смысле подряд — одна из форм управления производством, но эффективен он лишь в союзе и согласии с исполнителями. При подряде их не могут снять с объекта, перебросить в другое место, иначе сроки сдачи и финансовые нормативы будут нарушены. За сокращение сроков строительства и экономию материалов полагается премия, а какое тут сокращение, если отвлекут, как вот тебя, генподрядчика. Крепко поцапался с управляющим. Если так будет продолжаться, уволюсь, мне стихия противна.

— Кран-то раскокали. Инспектор РГТИ назидал, что нет-де у бригады путевого слесаря, чтоб обслужить. Забрали его и там окончательно вывели из строя. У нас механизатор старается во всем разобраться, за механизмом ухаживает, своевременно проводит профилактические работы. А сторонний мало того что оберет почасовкой, так еще определит — это будет делать, а это — и не проси: или не может, или не хочет. По остальным мотоединицам провели хронометраж и убедились, что загрузка их у нас выше, чем в других бригадах, оставили в покое. Управлению подряд даже мешает, ему важен общий план — в цифрах.

Все время говорю: нужна реорганизация строительного управления. Необходимы инженеров и техников можно включить в бригады, остальные должности ИТР упразднить. В народном хозяйстве есть где им приложить руки.

Высказал Николай Павлович обиду на руководство за отчуждение от своих «пятков». Чтобы настроить Нежданова на мирный лад, восстановить его оптимизм, Котляр поспешил выложить «сюрприз»:

— Хотел было убедить управляющего в необходимости внедрения подряда. А он сам, оказывается, только этим и жил последнее время. Иного пути для сокращения сроков строительства не видел. А насчет техники сказал, что всем бригадам она и не нужна, необходима таким, как твоя, Николай Павлович. Обещает дать еще компрессор, автолетучку. А что касается ремонта поможет управлению механизмами. С таким радостным известием приехал к тебе

Николай Павлович охладил главного инженера:

— Управляющий уезжает. Ему теперь все равно что говорить. Передает дела начальнику нашего строительного управления, с которым я уже поломал копыя из-за дома, что соорудили самстроём. Люди из бригады старались, надеялись, а трест квартир забирает. Вероятно, поеду в Тюмень, хлопочу за бригаду. Есть идея «эстафеты», сплотить субподрядчиков может только она. Придется заключить договора, расписать графики-этапы: когда, кто, что — три постулата. Каждый примет свои обязательства. А мы для затравки выступим в газете, призовем к этому. Кому как не генподрядчику клич бросить?

— Оптимист. На все тебя хватает,— изумился Котляр.

— Неважно чувствую себя. С утра. Видно, плохо дело.

Николай Павлович прилег, чувствуя, как сердце затрепыхалось, стало работать тяжело, с перебоями...

Нежданова увезли на «скорой». Сделали электрокардиограмму и установили: инфаркт. Полтора месяца провалялся в больнице. Ему приносили цветы, передавали газеты и журналы, но к нему пускали только жену. Котляр навестил уже после выписки, дома. Застал у него в полном составе бригаду, едва хватало всем места в просторной гостиной.

— Измаялся, нет мочи,— признается Николай Павлович.— Время «отдыха» подзатянулось... Как там газлифтная компрессорная № 2, распочали? Я готовлю договор.

— Куда распочали? Мираж в пустыне. Пока что расширяем дожимную станцию,— по праву заместителя ведет беседу Азаматов.— У нас все нормально и ненормально в то же время: на нескольких объектах сразу. Козырек над трестовским крылечком и тот нам. Не до подряда, хоть бы людей совсем не растерять.

Не отличающийся красноречием Булат снимает очки и, щуря глаза, изучает мозаику на дереве: хуторок, мостик через заснеженный ручей— Гриши рукотворение. Так выглядит зимой его родная Еремеевка.

Гриша спешит поделиться впечатлениями от поездки в Москву. На слете звеньевых он выступил. Рассказал, насколько нужны Северу молодые сильные руки и умные головы. Сказал о своей бригаде. Аплодировали, некоторые даже засобирались приехать сюда.

Нежданов одобряет:

— Правильно, используйте любую воз-

можность. Ты своим выступлением про парад на Самотлоре и бригаду, может быть разбудил чью-то инициативу. Пассивности ни к чему хорошему привести не может. Как настроишься, так и пойдешь...

Боясь утомить Николая Павловича, гости потянулись к выходу. Хозяин, просветленный встречей, провожает их до двери.

— Только в 48 уяснил, что сгореть не трудно,— говорит, вернувшись.— Хочется сделать за свою жизнь как можно больше и лучше.

— А ведь чуть оправишься, опять забудешь о своем здоровье,— замечает ему Котляр.— Ты из неисправимых. Истина о самобережливости бесспорна, да не на всех кроена.

В раскрытые окна доносился шум улицы, ветерок шевелил на стене политическую карту мира, испещренную пометками Нежданова. И в который уже раз опять подумалось главному инженеру: «Нет, не утерпишь... Видно, время нынче такое, что нельзя не гореть. На всей планете горячо».

У Котляра приятная миссия: сообщить о том, что бригадира выдвигают кандидатом в депутаты Верховного Совета республики. А он будет его доверенным лицом.

— За что такая честь?— смутился Николай Павлович.— Чем заслужил, что совершил чрезвычайное?

— Уже за одно то можно выбрать, что не просто строишь, а дерзаешь в строительстве. За все то доброе, что успел и что еще успеешь сделать.

— Как поэт расписал,— усмехнулся Николай Павлович,— чуть ли тебе не памятник рукотворный.

— А что? И памятник, и рукотворный. Всюду дела наши— наш памятник. Только значимость их разная... Будут листовки с

твоими портретами и биографией, о тебе, выходец из заводчан-уралмашевцев, будут говорить агитаторы.

— Не успел на фронт по возрасту, но детство военное. С горьким сладким хлебцем.

— Расскажи,— попросил Котляр,— что это за горький сладкий хлеб?

— Было так... Отец мой, Павел Васильевич, человек беспокойный, неусидчивый, надумал осенью тридцать первого из деревни под Ирбитом податься на новостройку. Об Уралмаше шумели поболее, чем сейчас о БАМе. Собрал пожитки — в путь. С месяц что-то скрипели на лошадке. Я по дороге в телеге крестьянской родился под вороний грай. Ну вот... жили в палатках и бараках, всяко жили. Родители в конце концов определились в кузнечно-прессовый цех на паровой молот, по тем временам внушительный. Уходя в цех, делили сырую черную горбушку на крохотные дольки, по их малости кажущиеся слаще пряника. Брат Михаил в годы войны шестнадцатилетним встал на таком рационе к станку, сестра Валентина рано приспособилась к множительной технике. Никто не отступил в сторону, не уклонился. Я тройне обязан не отступить, бороться за подряд, успевать и по депутатской линии. Я ведь в окружном Совете...

— И против управляющего повоевать.

— Невзирая на авторитеты... Если заносит управляющего, как без этого. Беда с временщиками, у нас в СУ за год меняется по начальнику и главному инженеру, замы и прорабы, начальники участков меняются еще чаще. Один Мосло чего понатворил, все вкривь да вкось, брак на браке, ошибка на ошибке, едва бригаду не развалил. Словом, лихой прораб. А наш бывший главный Мулюкин потворствовал: бой-

кий-де Мосло, умеет придавить смежника. Потом оба упорхнули. Из-за подобных летунов трест страдает. Пора бы обсудить на парткоме. Мы коммунисты и обязаны говорить громко, начистоту.

— Ну ладно. Давай поправляйся. Тревоги нехстати. Загляну на неделе, одна голова — хорошо, а две, как известно, лучше. Знаю, не утерпишь, займешься договором.

— Именно, пока есть время. Составлю, подшлифую пункты. Давно хотелось привести подряд в единую законченную систему, с учетом специфики и местных обстоятельств. До сих пор его применяли половинчато, с урезками да оговорками. Это еще не подряд, надо иначе, иногда в нарушение общепринятого. Жизнь требует творческого подхода.

— В чем же дело? Я — за. Творчество — право всех и каждого. — Котляр поднялся, подал Николаю Павловичу крутую крепкую ладошку и шагнул к двери.

Удачный день

Чего только не передумаешь в дороге.

Опять «проголосовал» на бетонке. Машина набрала скорость. Татрист пел нерусскую монотонную песню, никак не вяжущуюся со скоростью и тем, как вел машину. Не то украинец, не то белорус. Нежданов углядел фамилию в торчащем над ветровым стеклом путевом листе — Квартыч. В Нижневартовске кого только не встретишь! — полное созвездие республик. Больше всего башкир и татар, принесших сюда свой «нефтяной» багаж, чувство глубин и свои самобытные напевы.

За всю дорогу спросил только: «Куда?» Смотрел на бетонку да тянул мелодию.

Лишь когда подрулил к обочине, где накануне было снежно-пустынно, удивился:

— Городок в табакерке, откуда взялся и когда?

— Газлифтная № 3... На отечественном оборудовании, сами становимся с усами. Чуешь? — Нежданов открыл дверку, встал на подножку, широченную, как лист-противень для бетона. Охотно пояснил:

— Попутный газ будет загонять обратно, чтоб поднимал нефть наверх, служил лифтом.

— Интересно,— татрист оглядел хозгородок.— Очень интересно! Я попрошусь сюда на отсыпку.— Давнул на газ и умчался, только снежная колючесть занялась из-под скатов, ослепила на мгновение Нежданова.

На проторенной бульдозером Карлыкова плешине стоят в линейку домики-балки. Правофланговый, внушительней прочих — бытовка. Ее дощатые стены секут метели и дожди, хлещут ветра, дубят стужи, она свидетельница многих словесных баталий на «штабах», оперативках.

У бытовки рыжеватый и тиховатый Петр Степанович Краев трубоукладчиком подталкивал слесарку — хозяйство расторопного бульдозериста, успевавшего и по ремонтным делам, и по электричеству.

— Чуток вправо,— с порога корректировал Карлыков и показывал, насколько «чуток».

Голос Карлыкова разносился далеко, вплетался в тарахтенье «трубача». Косые лучи солнца, отражаясь от зеркала снегов, слепили глаза. Скоро возле первой исторической скважины Самотлора № 200, о которой напоминает скромный обелиск, неподалеку от знаменитого Мертвого озера вздыбятся вороха грунта, упрутся в болото сваи, встанут компрессорные, холодильные уста-

новки, распредустройства. Газлифт — новый виток в освоении Самотлора.

Николай Павлович переждал, пока Краев заглушит «трубач», подошли заговорили о том, что занимало его. Как всегда, он хотел быстрее и лучше проверить дело, верил в то, что так возможно даже тогда, когда невозможно.

— Собирай партгруппу.

— Это мы мигом! — откликнулся Краев, не выражая никаких эмоций: раз надо, значит, надо.

Через полчаса все коммунисты уже сидели в бытовке на деревянных скамьях вдоль стен. Краев, партгрупорг, покашляв объявил повестку: сдача КС-3 в сжатые сроки, и передал слово Нежданову.

Краев — уроженец Кировской области. Сюда приехал к брату, капитану «Ракеты» имея высшее сельскохозяйственное образование. Хотел устроиться в совхоз, но по стечению обстоятельств угодил на стройку. В бригаде восемь лет, старожил. До него машинисты трубоукладчика часто менялись а Краев стал постоянным. Нежданов, ценя постоянство, доволен «Степановичем». Да и тот относится к бригадиру с симпатией и уважением за твердость характера и человечность.

При Краеве партгруппа с трех человек выросла до тринадцати. Петр Степанович — член парткома треста. Принципиален. Был на приеме у первого секретаря горкома из-за конфликта с управляющим. Упрекал Васюту в самовольстве.

Коммунистов ценил за добросовестность и устойчивость мнений. В работе с бригадой — первая поддержка. Как пробрали вчера своих проштрафившихся товарищей! — с песочком... Особенно ополчились на закоперщика Альбаса, не помогло ему красно

речие, ужася, притих, другу и недругу закажет пить на работе. Журили так, что краска стыда прошибала природную смугловатость. А то предложили коммунисты внеурочно, своими силами создать при «тройке» спорткомплекс. Дружно проголосовали, затвердили — и будь спокоен, поднимут людей.

Посреди бытовки сияла малиново, расширяла тепло «электроспираль Карлыкова и Азаматова». Это они сотворили подобие увеличенной плитки, на каких готовят пищу. На этой, если готовить, целый котел ставить можно.

Нежданов без предисловий повел речь об ускоренной сдаче отечественной газлифтной под пуско-наладку: вместо двадцати двух месяцев — в третьем квартале, к 30 сентября, в три раза быстрее. Ради этого вместе с «рабочей эстафетой» отладят подрядный метод, чтобы их опытом воспользовались на всех площадках и оперативней запустили в серию оборудование. В Мегионгазстрое поддержат.

— Верно, — одобрил Краев. — Движение должно быть непрерывным, но «рабочая эстафета» — не подряд.

— Каждому исполнителю дадим конкретные сроки, распишем целевые задания по месяцам и заключим с каждым обязующие контракты, — продолжал бригадир. — Работа серьезная, ею займемся. Одновременно заключим подрядный договор с управлением на наши генподрядные объемы — одно другому не помеха. Так справимся? — посмотрел пытливо, строго, не ожидая поспешных заверений.

Установившееся молчание нарушил Булат Азаматов. Под стать бригадиру, лаконично, с чуть заметным татарским акцентом рубанул:

— За свое звено ручаюсь. Было бы где и с чем развернуться, фронт дайте.

— И я за свое,— обдал синевой глаз Крестов,— плотники-бетонщики не подведут.

Третий звеньевой — Володя Бурлаков — по сварке. С его техникумовским образованием, опытом мастера монтажного участка, приобретенным в городе Николаеве, он, конечно, с заданием справится. Тем более что и звено у него крепкое.

— Таким образом, командиры единодушны,— Краев оторвал руки от стола, с вниманием посмотрел на собравшихся.— Так и запишем в постановлении.

— Звеньевые, останьтесь, остальные свободны,— распорядился бригадир.— Обсудим, как вернуть потерю,— переезд затянули по не зависящим от нас причинам почти на месяц. Вероятна круглосуточная работа в три смены, иначе нам организуют «помощь», а с чужим вмешательством подряд — не подряд. Справимся сами. Значит надо провести в звеньях беседы, разъяснить обстановку.

Увидел стоящего у порога Резника. Николаю Павловичу нравился этот скромный человек, по его зову оставивший благоустроенный Луцк. Толковый специалист, знаток, каких поискать, а стесняется пустяка: и всех плановиков в тресте он единственный мужчина, остальные женщины. Уж лучше монтажником в бригаду, с этим и явился. Нежданову, дождавшись его приезда и Москвы.

У Резника проникновенный, умный взгляд, все время кажется, что знает о больше, чем говорит. И доводы, которые приводит в разговоре, всегда обоснованы и потому вызывают доверие.

Резник — один из тех плановиков, которые осмелились выступить против произ

вольно устанавливаемых цифр, порождающих приписки. На парткоме в числе немногих поддержал Нежданова, одобрил его смелые планы. Неосвобожденным предпостройкома бывал на площадках, участвовал в собраниях. Когда требовали обстоятельства, выступал устно и печатно — в газете, бичевал недостатки. И вот он, дипломированный инженер-экономист, просится в монтажники:

— Хочу освежиться ветерком.

— Ветерка хватит, и мозолей набьешь, кожа вспухнет. Экономист нужен. У тебя все данные... Начнешь с договоров по «эстафете». Ну-ка, прибрось, сколько по генподряду выпадает объемов. На шестьсот тысяч рублей? Мизер, воробьиный скок. А если дороги, эстакады возьмем? Миллион двести наберется! — уже кое-что! В дальнейшем присовокупим подземку, монтаж здания и отделку. Не все — монтаж оборудования. Число участников с пятнадцати убавится до пяти-шести. Втрое! — хлопнул Резника по плечу, подмигнул заговорщически. — Чуешь, каким ты мне нужен: монтажником с мозолями на руках или стратегом экономики? Киваешь, ну то-то же.

Хороший денек! Пикман с его порывами, новые обязательства, визит Резника. Вроде бы все и по работе складывается как надо. Наверное, так всегда: если к чему-то очень стремишься, все равно приходишь. Нежданов вроде даже помолодел. Как будто сбросил десятилетия и не было ничего такого, что тяготило бы и вызывало досаду.

Во дворе дома Анята каталась на коньках. Такие выделявала пируэты и виражи, что невольно залюбовался. Увидев отца, рванулась навстречу:

— Па-а-ап! У нас тетя в шкурах!

— Какая тетя? В каких шкурах?— не понял он и, лишь открыв дверь, услышав глуховатый с дребезжащими нотками голос, догадался: Матрена Прасина...

О Ваули и прочем

— Здравствуй, депутат,— повернулась к нему охотница, до этого в коридоре-прихожей беседовавшая с Надеждой Андреевной. Она только что с мороза, потирала озябшие руки. Лицо полыхало румянцем.— Я, депутат, насчет квартиры. Ленька торопит.

— Рано еще. Не могу я так быстро вопрос этот решить. И в такую даль сумятилась. Надеюсь, не на лыжах?

— А зачем гнать олешек, если есть лыжи. Ноги у меня пока еще крепкие, я не пожалуюсь.

— Сколько тебе лет, Матрена?— осведомился Нежданов с некоторым удивлением.

— О, я родилась в революцию, когда поднимали флаг в Ларьяке и колхозы создавали. Муж мой подростком рыбачил на Вахе. Старше меня Иннокентий и раньше ушел в мир теней.

— Вот что, Матрена, коли торопит сын и ты примчалась, оставайся ночевать. В ночь на какую-то третью излучину не пущу, заплутаешь, замерзнешь. Не дело это — в одиночку через снега и стужу. Устала поди.

— Ни за что не устала, я всю жизнь резвая,— заершилась охотница.— Спроси, на Вахе Прасину знают.

— Хорошо, хорошо, верю. Только все равно оставайся. Завтра вместе наведаемся к предисполкома. Ему сама все обскажешь, а я поддержку.

— Справка есть на Леньку из колхоза,—

показала измятую бумажку, на которой значилось, что Прасин Леонид Иннокентьевич моторист-водитель добросовестный, катер содержит в порядке. Занимается Прасин самообразованием — много газет, журналов выписывает. Характеризующий Леньку, видимо, считал это существенным для представителей малой северной народности. И Матрена так считала. Дважды упомянула, что читает «Россию» («Советскую Россию») и «Правду», хочет на Самотлор Ленька — добывать нефть. Оператором хочет. И Валентина, жена его, хочет. По бухгалтерии шибко башковитая. Ее Ленька присмотрел на механизаторских курсах — стипендию начисляла.

— Благие желания да сбудутся, но вы раздевайтесь. Надя, — обратился он к жене, — сготовь поесть и чайку гостье покруче. С продрога в самый раз.

— Чай — это можно. — Скинув кухлянку, Матрена осталась в свитере и брюках, схваченных у щиколоток тесемками. Свитер из яркой цветастой пряжи, с национальным орнаментом. На ногах оленье кисы, мягкие, в ходьбе ненадсадливые. Хороша была Матрена, в тепле еще больше раздумяившаяся. И не подумаешь, что лет много.

По-свойски прошла на кухню. Там у нее с Надеждой Андреевной завязался разговор о житье-бытье, о смысле жизни. И было им, русской и ханты, двум северянкам, просто, легко... Прихлебывали женщины чай вприкуску с рафинадом, угощались муксуном, прибереженным хозяйкой на всякий пожарный случай, и не замечали времени.

Николай Павлович не стал им мешать, за столом в гостинной углубился в бумаги.

Если ИТР зависимы от бригады, как заинтересовать их материально? Есть пре-

мии квартальные и за ввод. Ими поощрить линейных? Обсудить надо бы с Пикманом и Резником, чем «расплачиваться» за технику. Мнения на этот счет пока различные. Бесспорны прямая связь с трестом, внутрибригадная специализация. Все это вместе со значительным увеличением числа генподрядных операций потребует узаконенности — приказа министра, не меньше, — то, о чем год назад ратовал на парткоме. Память вернула к времени, когда после болезни, с трудом собрав бригаду, разбросанную по разным объектам, изливал горечь Котляру:

— По нашей документации внешне благополучно управления отчитываются перед главком: подряд их не волнует, за подряд управление и трест не спросят, за план — непременно. Механика несложная: показатели без учета сдачи объектов. Неважно, универсальную термохимическую установку распочал или поставил ограду вокруг установки. Разница лишь в цифрах, а так — своего рода уравниловка, которую можно сравнить с прямой припиской: отсюда взял — тому дал.

— В ответ на эффектные показатели добавляются новые плановые, те порождают очередную игру сводок: догоним и перегоним, — выстраивая логическую цепочку, продолжал Николай Павлович. — Так до тех пор, пока не внесут в отчетность конечный результат, ради которого городится огород. У других бригад беды одинаковые, по пять-шесть месяцев не соберутся, раскиданы по разным объектам. Гласности соревнования, понятно, никакой. Я не знаю, что делается у соседей, они — у меня. Призовые места выводятся по туфтовым сводкам. Ввод мощностей маринуется, стоят они незавершенными памятниками.

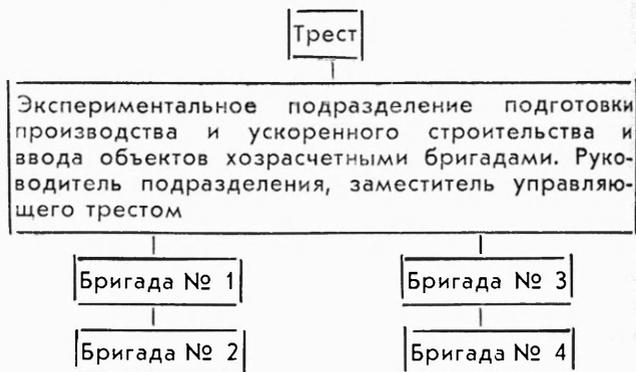
Терпелив Нежданов, но всякому терпению есть предел. Все начинается с головы, первый руководитель — венец всего. «Обо что стук — таков и звук, каков всадник — такова и езда», — говорил иногда в сердцах бригадир. Предшественник Васюты последнее время неплохо настроился, поднял трест, а Васюта исподволь опускает его в трясины незавершенки. Причина в недалёковидности, ориентировке на скорый успех: лишь бы сегодня выкарабкаться.

Главный кивал, соглашался: «Товарный парк, овощехранилище, достоctимый трестовский козырек — для комплексной хозяйственной мелковато и многовато. На чём-то одном существенном сосредоточиться надо».

В чём и суть. Ни о каком подряде не может быть и речи, если бригада работает везде — и нигде по-настоящему, сдача объектов затягивается.

Брал в руки графики, принимался изучать — и снова убеждался, что дела не идут на лад. У субподрядчиков то брак, то вообще ничего. Скрепить деловое содружество можно только «эстафетой». Остальное завершит подряд. Об этом и сказал на парткоме треста, познакомил с интересными задумками, записанными в тетради: «Перспективы, расчеты, тезисы по бригадному подряду на Самотлоре». В ней — схема экспериментального подразделения по ускоренному строительству и вводу объектов. Ниже — пояснение: «В свете Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года. Для создания условий поточному производству на основе повышения уровня инженерной подготовки и производственно-технической комплектации».

Комплексные генподрядные бригады по 40—50 человек. Ими руководят старшие прорабы и бригадиры. Старший прораб и прораб (мастер) осуществляют техническое руководство. В бригаду же входят геодезист и экономист.

Непременное условие — комплексные хозрасчетные бригады, курируемые экспериментальным подразделением треста и занятые только на важнейших объектах — резервными задельными площадками. Предусматривались линейные ИТР, экономисты из числа инженеров или техников-строителей, задача которых — учитывать затраты на механизмы, материалы, топливо, определять накладные расходы, составлять отчетность по всем показателям, анализировать, выявлять потери и прибыли, давать рекомендации, вести графики и экраны состояния дел. Вопросы, требующие коллективного решения, рассматривать на совете бригады, куда обязательно входит старший прораб.

Во всем повысить роль общественного мнения! И в распределении материальных и моральных поощрений тоже. Совет бригадиров доводит свои предложения до группы подготовки и организации производства.

Бригада действует согласно графикам, субподрядным договорам, составленным экспериментальным подразделением. Графики предусматривают поточный метод работ, соревнование с равнозначными коллективами. При подведении итогов основные показатели — выполнение графиков и ввод объектов. Конечный результат — прежде всего.

Как художник из мозаичных частиц составляет цельную картину, так кропотливо, звенышко к звенышку выстраивал Нежданов свою систему. Верил в нее и отстаивал всюду. Кажется, очевидно, как божий день, а кое-кто не снимал или... не хотел понимать.

В гостиную вошла Надежда Андреевна.
— Поужинал бы.

— Можно,— откликнулся Николай Павлович. Потом, не удержавшись, рассказал ей про намерения Пикмана.— Во мужик! Все-таки наша возьмет.

— Ну и славно,— обрадовалась Надежда Андреевна.— Обязательно докажи правоту...

Почти насильно повела на кухню. Шел и с благодарностью думал о жене, терпеливо сносящей его неумный характер. И для него в детстве костюмчик из хлопчатки, булка с маслом были редким даром, но Наде Луганцевой, дочери офицера, погибшего в начале войны, приходилось еще труднее.

Из Литвы с матерью эвакуировались в Сибирь с последним эшелонам под артиллерийскую канонаду. «Мессеры» пикировали на вагоны, снаряды вспахивали обочины. Чудом вырвались. В Тюмени Надя выучилась на каменщицу. В Нефтеюганске поднимала первые кирпичные дома, отделявала брусчатые.

Морозы тогда были жёстче, комаров летом больше. Наводнения случались такие, от дома к дому на лодках добирались. Купаясь, ныряли прямо с этажей недостроенных зданий. Надя наравне с мужчинами месила болото, сносила весь уют... «Был бы отец рядом — все было бы хорошо», — думала часто, хотя помнила его смутно. Поднятый ночью по тревоге, он не разбудил ее, не стал беспокоить и исчез. Навсегда.

С Неждановым-бригадиром, всегда уравновешенным и веселым, обретала спокойствие и оптимизм. И сейчас, спустя десятилетия, муж ей первая опора, образец и дома, и на работе.

С рождением Анюты Надежда Андреевна перевелась в диспетчеры, чтоб почаще быть с дочкой. Одинаково ласков Николай Павлович со всеми: с женой и Анечкой, со старшей дочерью Людмилой, с сыновьями Олегом и Станиславом. О каждом одинаково печется.

Матрена на кухне в женином халате до пят, в тапочках на босу ногу. Уютная, домашняя. Спортивно подтянутая стать у охотницы — всю жизнь в движении. Откуда завестись полноте и дряблости?

Нежданов невольно представил ее в тайге — родной стихии. Ни сучок не треснет под ее ногами, ни ветка не дрогнет, лишь чуть слышно шуршит, оседает под лыжами наст. Брызнула на кедр вспугнутая белка, затаилась в вершине. Но зоркий глаз Матрены находит ее. Щелчок выстрела — и зверек падает к ногам. Матрена поднимает добычу, встряхивает, оценивая мех, и приторачивает к поясу... Повелительная распорядительница Среднеобья.

Удивительна и неожиданна судьба. Несколько дней назад не подозревал, не знал, что есть такая Прасина, и вот, пожалуйста,

у него в доме, тянет нараспев перед этим начатый рассказ:

— Тайну велику разгласил шаман Ойка в годы, когда в Ларьяке, главном селе, подняли красный флаг над сельсоветом и создали колхозы. Власть шамана кончилась, ханты поверили в новую жизнь, и Ойка сник. Священное место Тай-Так, куда приносили дары для духов и шамана, стало вседоступным. Прежде не смели вступить в пещеру под берегом. Ойка собрал там оружие, богатую одежду, всякую утварь. Наподобие музея стала пещера Тай-Так. Ойка уверял, что здесь хоронился от царских догоняльщиков народный защитник, храбрый-храбрый бунтовщик Ваули Пиеттомин. Будто бы добрался к нам из тундры, в тундре нет лесов, негде укрыться, и он на быстрых оленях умчался из голой тундры, где далеко видно. Тайга скрыла героя от догоняльщиков с ружьями. Давно это было, Ойка слышал от своего отца-шамана, а тот от своего. Еще уверял, что Ваули был богом, посланным небесами. Кто прикасался к его следам, кто держал в руках лук и стрелы или копье Пиеттомина, сохраненные в пещере, становился фартовым, болезни его миновали. Одни удачи сопутствовали. Ойка редко показывал доспехи Ваули, а его ли доспехи — кто ведает...

Негромок, спокоен голос Матрены. Прервется — и снова ручейком про быль-небылицу. Так ветер бормочет в космах хвои, загадки задает. Ау-у-у... О-о-о... Завороженно внимает Анюта, подперев кулачком пухлый подбородок, слушают супруги Неждановы сказку-речитатив.

— Тосковал однако ненец Пиеттомин, томился... С крутизны обрыва пытался увидеть тундру, уловить ее запахи. Так сильно было желание, что обернулся чайкой-ха-

леем и на упругих стремких крыльях помчался. До сих пор кружит и криком оповещает, что родимая сторонка всего дороже. Тайга хороша, и ханты приветливы, но тундра вольней...

— Занятно,— Николай Павлович машинально подцепил дольку муксуна, отливающую розовым.— Но все же что за музей в пещере? Интересно знать..

— Тиш-ша,— Матрена свела голос до шестеста травы, упредительно сузила глаза, и лицо стало плоским, похожим на маску.— Не для всех. Много чужих на Вахе, тайгу пакостят, воду. Таким разорить Тай-Так в забаву. Тебе, депутат, покажу. И кладбище наше родовое в Глухарином бору покажу. Без сопровождающего не найдешь.

Среди своих

«Дзинь-бом, дзинь-бом, бом»,— сыплет с веток капель, прожигает, истачивает снег. Ноздреватеет он, оседает. «Дзинь-бом, дзинь, дзинь»,— тесовой музыкой строчит с крыши.

В давние-давние времена жили на Сам-тлоре храбрые, добрые люди, промышляли они белку и соболя, росوماху, лося. В мире и согласии жили. Но вот прогневался на них злой болотный дух Ян-Вон-Сам за то, что видят они солнце и чувствуют ветер, а царь болотный вынужден томиться в пучине. Напустил гнилого дурмана Ян-Вон-Сам и уморил всех. Уцелела на Сам-тлоре одна-единственная женщина Сильга, красоты неписаной. Указало ей путь солнце. Пошла Сильга по световым бликам и пришла на Вах, поселилась здесь в цветущих черемухах. Спустилось к ней в черемухи солнце-бог, полюбилось с Сильгой, и родились сын и дочь,

и еще сын и дочь, явились от них светлые люди — вахские ханты. Души чистой, незамутненной, как родниковая вода, обманывали их, доверчивых, шаманы, мор и холод преследовали, тьма воцарилась, но ханты побеждали все.

«Дзиннь-бом, дзиннь-бом, бом, бом...»

Матрена, проснувшись, не сразу сообразила, где она. Лежит тихо, чтобы не разбудить хозяев. «Дзиннь-бом, дзиннь», — каплет из крана вода, а ей капель весенняя помещилась.

Прежде шаман их рода проповедовал недоверие к людям, она с детства помнит его «проповеди» с ударами бубна и заклинаниями-речитативами. Ойка всегда грозил, хотел держать сородичей в страхе-трепете, невежестве, а тут она ночует у чужого ей депутата Нежданова, ей с сыном обещают собственную квартиру в городе, у депутата Нежданова хорошая жена: варит вкусные супы, стряпает пельмени. У них в квартире на стене лес с оленями, пол из деревянной плитки, цветной телевизор. Они с Ленькой будут жить в такой же, с оленями на стенах.

Матрена смотрит в темноту, чутким ухом ловит дыхание Анюты. Думает. Сильно изменилась жизнь на ее родной реке. Нет и в помине Ойки, легенду-сказку отца досказали русские. Они нашли на Сам-тлоре и вокруг нефть, которой, вероятно, обернулся со злости дух Ян-Вон-Сам и спрятался глубоко под толщу, но русские добуриваются и выгоняют Ян-Вон-Сама. А ханты по-прежнему красивы, как солнце, крепки, как корни кедра.

Матрена хотела запеть о том, что по небу летают большие железные птицы, по воде плавают железные лодки и, хоть рыбы и зверя стало меньше, жизнь стала лучше,

потому что русские им во всем помощники, но вспомнила, что не дома, и не запела. Пососала пустую холодную трубку, встала.

Вскоре поднялись и хозяева, их дети. Позавтракали. И Матрена с Николаем Павловичем отправились в горисполком.

— Пусть составит заявление,— сказал председатель, выслушав Нежданова.— И документы, какие положено, присовокупит: сколько и где работали, чем и когда награждались, если награждались. Соответственно на сына. Чтобы у меня были основания.

«Председатель прав,— рассудила про себя Матрена,— ханты тоже всякие бывают, есть которые пьют, лодырничают. Ей с Ленкой не стыдно перед председателем и депутатом».

— Но я худо пишу,— достала трубочку Матрена, стукнула ею о торец стола, словно пепел вытряхнула.— Ленка напишет.

— Пусть так, разница невелика,— согласился председатель.— Заявление пусть напишет и документы соберет, тем более что речь и о нем. Квартиру по мере возможности выделим в районе новостроек.

Матрена выслушала все это с достоинством человека, близкого к природе, поднялась со стула, посчитав разговор законченным. Встал и Нежданов. Вышли вместе.

— На Вах с Самоглора ходят машины за бетоном, у нас там база стройиндустрии, подбросят,— подсказал Николай Павлович.— Зачем ноги маять.

То ли судьбы соизволение — знакомый татрист приглашающим жестом распахнул дверку. Помчал.

— Сам-глор!.. Сам-глор!.. От берега до берега не окинешь взглядом, щуки в нем водились пудовые. Вон там за полосой со-сенок в бурю метались волны, лодочку-

калданку перехлестывали. Еще девчонкой она плыла как-то через буруны и напевала:

Бушует озеро, ой-ей,
испуганные гагары улетают от ветра, ой-ей,
а я, Матрена Прасина, с красивой реки Вах,
не боюсь бури, плыву себе, ой-ей!
Хорошо, когда есть большая вода,
На воде ветер, и лодочка-калданка
несет в лучшую жизнь.
И ты поешь, и радостно тебе...

Матрена помнила эти места безлюдными. Они с отцом выбирались на Сам-тлор за голубикой, мастерили слопцы на глухарей, зимой стреляли куропаток. А однажды отец завалил косолапого и устроил всем на потеху праздник медвежьей головы. Где то время? Нет его. Нет отца, оба с Иннокентием в Глухаринном бору.

Дорога твердая тянется по болоту, бетонкой зовется, колеса на ней подскакивают, как на камне,— непривычно. И хозяин Сам-тлора не шаман Ойка, а депутат Нежданов. Простой, нешумный, без заклинаний силой владеет большой. К нему многие обращаются, видела на приеме. Его слушается председатель горисполкома. Нежданов строит на Сам-тлоре диковинные сооружения с баками для нефти, сияющими, как снег, как бумаги на столе председателя горисполкома. Кто про него знал при шамане? Знали про верховного владыку Торума, про злых духов, а о нефти не знали. А теперь о ней среди хантов от мало до велика наслышаны, любой мальчишка растолкует про буровиков, как пробивают тверди. Повзрослев, сами уходят к добытчикам. Вот и Леньку поманило, не хочет оставаться на третьей излучине. Не хочет промышлять зверя, ружье забросил. О времена! Времена! — вздохнула охотница, будто бы пригонились, но только на мгновение,— слишком деятельная, не привыкла унывать.

С интересом присматривалась к площадке, где штангами взметнулись столбы электростанции. «Татры» возили песок для отсыпки. Штабелями лежали сваи, похожие на тупо очиненные карандаши.

В центре площадки — невысокий пожилой человек в очках, в ушанке с потертым меховым верхом. Его активные действия, распорядительность свидетельствовали о том, что здесь он главный. По-хозяйски вторгся в гущу машин и людей, что-то уверенно доказывал, объяснял — все время действовал. Увидев Нежданова, подошел к нему и заговорил о субподрядчиках, которых вызвал еще до утверждения графиков «эстафеты». Графики надо срочно готовить, предложил Николаю Павловичу этим заняться с Резником. Бригадир покивал согласно: графики они уже готовят, утрясают сроки со смежниками.

Тут к ним присоединился мужчина средних лет, на полголовы выше пожилого, как показалось Матрене, одетый в брезентовку поверх теплой стеганой фуфайки.

— Пикман, — протянул ему суховатую руку пожилой в очках. — Вас зовут Илья Владимирович? Слышал. Значит, решил из теплого кабинета на ветра и морозы, к рабочему классу. Мне вдвое больше, и то стремлюсь поближе к производству. Напросился в начальники штаба на «тройке», а мне ведь 72.

Ну... обсудим систему подряда на все пять очередей, чтоб другие взяли за эталон, хотя эталон в творчестве нежелателен. Тридцать семь газлифтных станций будет на Самотлоре — целый комплекс. Нужен приказ министра на право эксперимента, тогда не отмахнутся малoverы от наших пусть смелых, но реальных планов по переустройству.

Матрена обратила внимание на черноусого паренька, сколачивающего опалубку. Лицо показалось знакомым, но где видела — не вспомнит.

— Ты кто? — спросила.

— Юмин, — ответил паренек. — Ханты Владимир Юмин с Малой Оби, из деревни Ванзеват.

— Слышала от мужа Иннокентия про тамошний колхоз «Победа». Богатый, миллионный, — заметила Матрена, раскуривая трубку-носогрейку. Затянулась глубоко дымом.

— Был миллионным, да сплыл, — Володя повертел в руках молоток, притулился к торцу дощатой стенки, посасывая ус. — Стали присылать председателей со стороны, им дела нет до нужд колхоза и колхозников, до дисциплины. Ханты постарше пьют в стрежевой лов, в охотничий сезон, пьяные гробят технику, браконьерничают. Молодежь уезжает. Дворов сто семьдесят из пятисот осталось. У меня мать — член партии, не утерпела, пожаловалась на руководство. Но изменений пока — никаких.

— Плохо, что никаких изменений, — огорчилась Матрена. — Чужих в председатели нельзя, должны быть свои, как вот Нежданов. Его понимают, ему верят.

— И мой отец одно время председателем был, — заметил Володя. — Участник трех войн. Умер от ран в 68-м. Нас в семье осталось восемь. Все братья и сестры сейчас при деле. Я вот выучился на монтажника... Как очутился в Нижневартовске? Сестра, детский врач, получила трехкомнатную квартиру, пригласила к себе. Приехал, стал искать работу. Вижу — вывеска: комсомольско-молодежное управление. Раз комсомольско-молодежное, значит, молодежи много, интересней. Вот и работаю в бригаде Нежда-

нова. Все бы хорошо, да мать далеко. Скучаю по ней и по деревне нашей. У нас там места богатые были, а сейчас зверья-птицы поубавилось. Теснит индустрия природу...

— Верно, верно,— повздыхала Матрена.— Сын Ленька порывается на Самотлор, так накажу беречь. Он характерный, может прикрикнуть. Вся надежда на вас, молодых.

Прасина вдруг почувствовала себя постаревшей,— не было уже прежней резвости. Наверное, не надо ей в город, зачахнет среди каменных стен...

Зачем ей ждать попутку, если овейанный легендами предков Вах — рукой подать. Да и лыжи, подбитые оленьей шкурой-камусом,— вот они, под рукой. Встала на лыжи и ушла целиной. Когда спохватился Нежданов, она была уже далеко.

— Неуемная, ох, неуемная,— посокрушался Николай Павлович.— Неуемная и гордая, все хочет сама. Так принято у вольных и сильных.

Матрена спешила навстречу ветру, прислушиваясь к себе: как руки-ноги, не дребезжит ли в середке, где сердце. Нет, все по-доброму. Может быть, остаться жить на Вахе? Пусть другие едут в город, ей нельзя далеко от Иннокентия, ведь и самой скоро наступит пора «переезжать» в Глухариный бор. По преданию, прародительница Сильга в нем же похоронена, и шаман Ойка. Все, кого не заломал без вести медведь-шайтан или не поглотила вода, упокоились там. Матрена, соблюдая обычай, приносит мужу на могилу подарки, чтоб не обижался. Ей будет приносить Ленька. Будет ли?..

Матрена запела про то, как давно сгинул Ойка, давно поднимали флаг над Ларьяком, а она все не устает жить. В то время

как Матрена в глубоких раздумьях коротала путь, в бригадной бытовке Пикман, Нежданов и Резник совещались. Верховодил Григорий Ильич:

— Исходное: подряд на сметную стоимость всего или почти всего пускового комплекса. Субподрядчиков минимум: по КИПу, трубам высокого давления, электрике. Прочее — наше. А то и генподрядчиком именоваться неприлично. Иное дело, если две трети объемов доведем до трех четвертей: инженерные сети, сваи, монтаж зданий и оборудования. Уже хорошо!

— Просто здорово! — засветился Нежданов.— А то нет от заказчика оборудования, мы волнуемся, хлопочем, хотя, в сущности, пристегнуты к пуску сбоку припека. И неизвестно, как пристегнуты. Другое дело, если заодно и монтажники.

— ИТР сколько? — спросил, заполняя листок столбцами цифр, Резник.— Лишние кадры — лишние затраты. Начальник объекта, его заместитель, бухгалтер и экономист — нормально.

— Добавь мастеров, — заметил Григорий Ильич.— Без них никуда. А лишних людей нам держать не резон, это верно. По моим прикидкам, в год бригадой вытянем две очереди, это объем управления.

— ИТР заинтересуем премией, — вставил Нежданов с уверенностью человека, который уже все обдумал, взвесил.— Благодаря сквозному поточному подряду избавимся от потерь времени и средств — тех самых, которые раньше было принято считать неизбежными. Нам выпала честь первыми смонтировать, пустить газлифтную установку на отечественном оборудовании.

Пикман, будучи человеком дела, прикидывает:

— Не очертя голову. Исподволь расше-

велим главк, министерские апартаменты, Будет совещание в Сургуте — я выступлю, а в Тюмени — Николай Павлович, чтобы все выглядело по-солидному, внушительно.

— Заключим договора с субподрядчиками, установим сроки исполнения этапов, утвердим на штабе и в горкоме партии,— Пикман возбужденно-энергичен. И Нежданов в состоянии подъема, как когда-то на парткоме. Вперед и только вперед, без оглядок, сомнений. Отступить нельзя.

— Все сделаем, Григорий Ильич. Осенью дадим КС под обкатку-притирку. Ребята с полным пониманием, из тридцати лишь один Альбас перешел в другую бригаду...

— В семье как в семье, не без отклонений.— Пикман обвел собеседников оценивающе взглядом: мол, хватит ли пороха в пороховницах? — В феврале — подстанция, к ней — электролиния. Развернуть фундаменты. Бригаду увеличить с учетом предстоящих работ по строительству аппаратного двора, регенерации, компрессорной... Если все на площадке подчинится подряду, тогда и выполнение, и интерес будет. Подряд — это строгость.

— В проекте порядком орехов. На одни и те же позиции разные размеры. Полы на грунте, а торфу семь метров, и песка — два. Будет просадка, а значит, бесконечные ремонты. Надо строить на сваях. В главке склоняются к тому, чтобы вообще обходиться без отсыпки, по возможности уйти от товарного бетона. Не знаю, дешевле ли, но что быстрее — это бесспорно. Для быстроты и экономии целесообразно применять металлические опалубки...

Уже вовсю велись работы. Знакомый татрист, проезжая с песком, приветливо махнул рукой: живем! Ребята поднимали столбы электролинии. КС-3 начиналась.

По пути Матрена завернула на кладбище, постояла молча у могилы Иннокентия. В морозной хрусткой тиши срывалась, текла с ветвей кухта, невесомо-струйная, как пряжа на пальцах вязальщицы. Дятел-желна бил по стволу крепким носом, и к ногам сеялись трухлявинки, порошили могилу. Матрена стряхнула оцепенение. Распрямилась. Ей жить, помня об усопших, что обступили ее сейчас, хозяйку Ваха. Наверное, самую старую женщину понизовья. Отчего такие мысли? Или предел настает и пора собираться? Нет, не то, от встреч в городе и на Самотлоре стала иначе осознавать собственную жизнь, жизнь сородичей. Прежде чего-то недоставало в ее думах, а теперь весь Север перед глазами, все его перемены, до которых не дожили отец и муж. Она в ответе за происходящее, как и депутат Нежданов, потому что самая старая женщина понизовья, хозяйка Ваха.

Пусть Ленька с Володей Юминым тоже участвуют в переменах. Жизнь стала круче, стремительней, как ручей, усиленный другими ручьями. Ленин зажег свет правды, и этот свет явился ей добротой депутата Верховного Совета, озабоченностью Володи Юмина с Малой Оби, хорошими делами сына-моториста.

К избам деревеньки Матрена проила через крутизну, спускающуюся к берегу. Даже не деревенька это, а просто несколько рубленых домов. Матрена издавна любила крутосклон, с него можно срываться птицей, лететь, лететь... У-ух!..

Ленька ждал у избы, из-под козырька ладони следя за матерью. В отличие от Юмина, почти белокур, но одинаково невысок и ловок. Он взял мать за руку и повел в тепло, держа под мышкой ее лыжи.

— Устала, мать, отдохни.

— Немного притомилась, сынок. Совсем немного.

На тайгу опускалась ночь. В избах зажигались электрические огни.

Главное достижение

Партком созвали расширенный, человек в семьдесят. Пригласили начальников управлений, ведущих специалистов. Нежданов из продуманных им пунктов плана реорганизации выделил, на его взгляд, основное: заинтересованность ИТР в выполнении бригадных обязательств; экспериментальное подразделение при тресте вместо нескольких генподрядных СУ; малая механизация. Отцарствовали на площадке лом и кувалда.

Бригадный подряд не может функционировать без потока. Если участники не связаны графиками поэтапного строительства, ничего доброго не получится. Пример тому — Белозерная нефтеперекачивающая: уже который срок сдачи пропускают. Вывернули наверх всю грязь-грунтовину, сделали территорию непроезжей и... стали ждать, когда подмерзнет. Потянули за собой монтажников, наладчиков. В конечном счете весь трест и главк под удар поставили. Все это потому, что не было сцепки звеньев.

— У нас все сводится к заключению договора, ничем материально не подкрепленного. Если даже генподрядчик — бригада — на собственном энтузиазме вытянет обязательства, уложится в графики, субподрядчик завалит. У него свои трудности. А главное — он не задействован в нашем подряде. — Нежданов испытывал состояние, похожее на то, которое бывает, когда взбираешься на кручу. Но поворачивать поздно, только впе-

ред.— Бригадный подряд вроде бы частное на общем фоне, но вот какая картина по Самотлорнефтепромстрою: мы в плену незавершенки, сдавать нефтяникам нечего, фонд зарплаты начинает обгонять выработку. Это признак того, что отчетность туфтовая. При наших общих благополучных показателях главк набрасывает план, показатели ему снова выводят ажурные — как же, рост! И вот уже план невыполним, нереален.

— А подряд тем и хорош,— все более воодушевляясь, почти торжественно продолжал Нежданов,— что любит точный счет, ни копейки лишней потерять не позволит. В нем важны не промежуточные успехи, а конечный результат. И будь у нас подряд на уровне, не оказалось бы сегодняшней ситуации, требующей нажать, подвинуть, штурмануть. Глубоко уверен, что, только повернувшись лицом к требованиям времени, наладим дело. Ради этого настоял на обсуждении этого назревшего вопроса.

Позицию Нежданова знали все, но сейчас его речь прозвучала для многих неожиданно остро. Поняли, что и от них многое зависит, поэтому с выступлениями не спешили.

Нежданов ждал, что первым выступит Котляр, поддержит. Но пока тот собирался с мыслями, поднялся Резник. От волнения тихо, но внятно начал говорить Илья Владимирович:

— Я скажу за Луцк. Подряд в Луцке есть. Там в Промвентиляции, где работал, внедрена система с комплексом мероприятий по планированию, организации и технологии производства, улучшению структуры, учету хозрасчетных коллективов и обеспечению их ресурсами — комплектации суточной, декадной, месячной...

Резник говорил буднично-спокойно,

словно увещевал одного, а получалось — всех. Каждый слушал и невольно думал: «Мне адресуется... Недорабатываю».

— Перевод на новую систему потребовал разъяснений. С этой целью совещались, беседовали, учебу с рабочими и администраторами провели, ибо подряд — это наука. Бригады укрупнили и заодно сократили их общее число, сосредоточили людей и материалы на пусковых и задельных площадках.

«Даже и на задельных! — колыхнулось в Нежданове. — Там это само собой разумеющееся, почему же в Нижневартовске очевидное — невероятное? В Луцке подряд — реальность, ему — почет, а у нас — показуха, для престижа. Завершаю КС № 2, а куда и что дальше — знать никто не знает».

— Бригады формировали так, чтобы каждая выполняла работы на сумму от пятисот тысяч до миллиона рублей годовых, — продолжал Илья Владимирович. — Прежде столько выполнял прорабский участок из нескольких бригад. Обеспечение бригад стало осуществляться по единому декадно-суточному графику...

«Молодцы! — одобрил про себя Николай Павлович. — К сожалению, опыт подряда популяризируется мало, отрывочно. Статьи в газетах редки, а в книгах о том — и того реже. Надо бы поговорить еще о луцком методе с Ильей Владимировичем».

— На должность бригадира решили назначить инженера или техника, при этом совмещая должности бригадира и мастера, — все в том же размеренном тоне говорит Резник. — Число и состав бригад определяются не столько объемом работ, сколько наличием материалов, машин и механизмов. В управлениях и тресте упразднили плановый, производственный, технический отде-

словно увещевал одного, а получалось — всех. Каждый слушал и невольно думал: «Мне адресует... Недорабатываю».

— Перевод на новую систему потребовал разъяснений. С этой целью совещались, беседовали, учебу с рабочими и администраторами провели, ибо подряд — это наука. Бригады укрупнили и заодно сократили их общее число, сосредоточили людей и материалы на пусковых и задельных площадках.

«Даже и на задельных! — колыхнулось в Нежданове. — Там это само собой разумеющееся, почему же в Нижневартовске очевидное — невероятное? В Луцке подряд — реальность, ему — почет, а у нас — показуха, для престижа. Завершаю КС № 2, а куда и что дальше — знать никто не знает».

— Бригады формировали так, чтобы каждая выполняла работы на сумму от пятисот тысяч до миллиона рублей годовых, — продолжал Илья Владимирович. — Прежде столько выполнял прорабский участок из нескольких бригад. Обеспечение бригад стало осуществляться по единому декадно-суточному графику...

«Молодцы! — одобрил про себя Николай Павлович. — К сожалению, опыт подряда популяризируется мало, отрывочно. Статьи в газетах редки, а в книгах о том — и того реже. Надо бы поговорить еще о луцком методе с Ильей Владимировичем».

— На должность бригадира решили назначить инженера или техника, при этом совмещая должности бригадира и мастера, — все в том же размеренном тоне говорит Резник. — Число и состав бригад определяются не столько объемом работ, сколько наличием материалов, машин и механизмов. В управлениях и тресте упразднили плановый, производственный, технический отде-

ны, а также отделы снабжения и складского хозяйства. Вместо них создали службы инженерной подготовки, производственно-технического планирования и комплектации.

«И это неплохо: подобие нашего экспериментального подразделения и прямой подчиненности тресту», — не удержавшись, кивнул Нежданов.

— Основную долю материалов сосредоточили прямо на объекте, ИТР высвободили для производства. Снабжение — это снабженцам. Раньше на инженера приходилось строительно-монтажных операций на 72 тысячи рублей, при новой системе цифра ушестерилась.

«Резник — находка для бригады, — сделал окончательный вывод Николай Павлович. — С его умением мыслить реально цены ему нет. Ничего не сказал прямо в защиту подряда и в то же время сказал очень многое».

Котляр выступал бойко, набрасывая одну фразу на другую. Создавал впечатление личной симпатии к Нежданову, его инициативе.

Чаша резко перевесила в пользу «скептиков» после речи Васюты. Даже многие из тех, кто был «за», откачнулись. Умеет Анатолий Кириллович витийствовать. Со ссылками и примерами, обобщениями, экскурсами в минувшее — масштаб и логика! По девятнадцати пунктам железной метелкой прошелся, эрудицию показал недюжинную.

Начал с далеких тридцатых, когда складывалась структура, достаточно себя зарекомендовавшая. Можно ли ее ломать? Не может он включать в бригады инженерно-технический состав. И зачем сводить инженера до уровня рабочего? Может ли быть старший прораб в подчинении у бригадира? Ссылался на Положение о подряде, утвержда-

денное Совмином СССР. Его речь впечатляла.

— Техника в бригаде — неоправданная роскошь, — жестикулировал Анатолий Кириллович. — Не каждый день занята. Может быть, лучше использовать ее там, где она нужней? Хватит ли на все бригады техники? Допустим, хватит. Но кто будет осуществлять за ней технический уход, ремонт, заниматься запчастями для нее и горючим? Кто за обслуживание платит будет? У бригады иные назначения. Может, Нежданов захочет подчинить бригады главку или министерству? Может быть, и управления уже ни к чему? Долой Положение о подряде! Увы, экспериментальное подразделение — утопия. Разве у нас на подряде одни только ударные стройки? А неударные кому? Все сложнее и жестче, чем представляется с бригадирской горки. У Нежданова довольно наивное представление о механизме управления...

В голосе у Васюты почти сострадание. Мол, по незнанию перегибаешь, Николай Павлович, по неведению. Рад, мол, поспособствовать, да не могу...

— Правильно Нежданов ставит вопрос о субподрядчиках, и я за согласие и постоянство на площадке. Но прикажут сверху помочь кому-то где-то, обязан послать. Я лицо подневольное, хоть в Сургут, хоть в Нефтеюганск обязан послать, — словно ища сочувствия, продолжал Васюта. — Хозрасчетным комплексным основные объемы, а убыточную мелочовку кому? На больших заводах заранее планируют отягощающий ширпотреб, чтобы сбалансировать с прибылями, уравновесить. Многоведомственность субподрядчиков — тормоз! Согласен с этим. Но вменить одной генподрядной и забивку свай, и монтаж зданий — можете себе пред-

ставить, что будет за бригада? Монтажники — люди высокой квалификации, их нельзя равнять с плотниками-бетонщиками. Пусть каждый остается при своем. Другое дело встряхнуть смежника, повисить роль инженерной организации. Подрядно-хозрасчетную документацию подготовит филиал Сиборггазстроя, затем начнут действовать отдел труда и заработной платы, совет бригадиров.

— Мираж! — не удержался Нежданов. — У ОТиЗа и тем более совета бригадиров своих забот полон рот, а без повседневного участия сами по себе бумаги — мертвый капитал.

Как распалившийся автомобилист на запретной скорости проскакивает пост ГАИ, так Васюта оставил без внимания реплику.

— Если администрация нарушает договор, предъявляйте штрафные санкции. Почему, упрекая меня, не воспользуетесь правом?

— Крокодиловы слезы по тому, чего не хочешь! — снова поднялся Нежданов. И принялся оперировать фактами. — План перевыполнили, а сдавать нечего — обманчивый оптимизм. Бригада пусть ничего не сделала, ей все равно пишут сто процентов и платят за сто, якобы за подтаску, подскребку. За что хотят. Васюта потому боится подряда, что при нем важен конечный результат, учет до копейки и дня — все прорехи на виду.

Попросил слово Котляр. Признав важность предложений Нежданова, в то же время призвал к постепенности и осторожности. Не слишком ли так сразу — экспериментальное подразделение вместо генподрядных СУ? В армии есть рота, батальон, полк, дивизия, не подчиняются же подразделения напрямую генштабу. Достаточно

инициативной группы, которая бы занялась графиками и контролем за их соблюдением, это будет отвечать требованиям и не вызовет ломки сложившейся структуры. В возмущении Васюты признал некоторый резон. Продумать следовало бы и то, в какой степени техника должна быть бригадной. Если ее можно использовать, позаимствовав у соседа, зачем этим пренебрегать. Лучше закрепить арендованную за двумя-тремя идентичными коллективами, отпадет проблема ремонта и теххода. Техника останется все-таки управленческой, оперативно ею распорядится диспетчер, полнее она будет использоваться. В каждом генподрядном СУ два-три хозрасчетных участка, скажем, из девяти бригад, общей численностью в триста человек. Получится — сделают хозрасчетным весь трест.

— Линейные ИТР, как с ними? — задал вопрос Резник. — Включать или нет в бригаду?

— Включать можно хоть журналиста — пропагандиста передового опыта, — отвечая на вопрос, отметил главный инженер. — Подрядная бригада вольна распорядиться фондом заработной платы по своему усмотрению, но нет необходимости их включать, другое дело — заинтересовать линейных инженеров. Каким образом? Опять подумать надо. Инициативная группа из числа ведущих специалистов и совет бригадиров при тресте определяют перспективу, общее направление.

Половинчатость Котляра, его выступление в роли миротворца удручали. Нет, категоричней надо. А так все, что было до того сделано, ряской покроется.

Как в воду глядел: инициативная группа палец о палец не ударила. Совет бригади-

ов ставил вопросы качества, рационализации, анализировал причины затяжных сдач, но все это частности, неспособные изменить ситуацию.

Внешне их отношения с Котляром остались прежними. Но разочарование, порожденное половинчатой позицией главного на парткоме, не покидало бригадира. И поэтому снова вышел на разговор с Котляром.

С жаром стал доказывать очевидное: прест катится по наклонной. Министр, обещавший поддержку, ждет результатов. А где они? Придется так и доложить Борису Евдокимовичу. Довольно полагаться на «авось».

Котляр выглядел нездоровым, вялым.

— Устал,— признался он в конце разговора.— Не по мне поворачивать громаду Самотлорнефтепромстроя, чтобы крутилась как надо. Пару нет. Вероятно, уеду, уж не томинай лихом...

Нежданов покинул кабинет с чувством тоски и замешательства: на кого опереться? А бригада? А дело, которому столько отдаю? А город с его девяти- и шестнадцатипятиэтажками, с десятками тысяч живущих в них людей? За все он, депутат, в ответе. Забот много, некогда духом падать, идти все вперед и вперед надо. Падать, подниматься и снова идти... Речку Березовый Исток зимой дорожники тракторами продавили до дна, остановили течение — и рыба задохлась. Стрежевые пески напротив пристани, перед городом, замусорены железом, гравием, катушками с кабелем. Не то что рыбе, лягушкам жизнь не в жизнь. Вода запачкана мазутом, взбудоражена моторками. Надо бы выступить об охране северной природы на предстоящей сессии Верховного Совета республики.

В Москве узнал об увольнении Котляра. Удивился скоропалительности — ведь толковый инженер. Поспешил вернуться в Нижневартовск, надеясь уговорить остаться: уж очень заметная утрата. Прямо из аэропорта — в трест. Опоздал. Котляр уже с чемоданами ждал машину. Едва не разминулись.

— Ничего, мир не оскудел энтузиастами, сыщутся другие, моложе и, как поется, лучше нас. Ты не отчаивайся.

— Да ведь планы грандиозные. Один спасовал, другой, третий, кто же наши задумки в жизнь внедрять будет?

— Слышал по радио твой призыв о том, что нужно беречь малые притоки больших рек, — словно чувствуя себя виноватым, повел было разговор в сторону Котляр. Но не увел, наоборот, приблизил. — Верно, без малого нет великого. Может быть, еще вернусь.

— Возвращайся, Александрович. И меня подкузьмило сердечко — подзаялся спортом. Все в наших руках: вообрази себя большим — навсегда таким и останешься.

Спустились по лестнице, нагруженные чемоданами. У машины попрощались. У Нежданова — состояние опустошенности. Так бывало с ним всегда, когда расставался с хорошим человеком...

А дома ждали гости: сестра Валентина с мужем наведались из Свердловска. Огорчение несколько сгладилось.

Они допоздна вспоминали детство и отроческие годы на Уралмаше, дом-«пилу», в котором жили. Дом был длиннющий, с выступами, впрямь напоминал пилу. Его так и называли. Где живешь? В «пиле».

В одной комнатенке их тогда вместе с бабушкой умещалось шестеро. В войну подселили беженку из-под Ленинграда с ребенком. Тесновато было, но ничего, жили.

За окнами сгустилась ночь. Предвестником осени покропил дождь, потренькал по кести наружной части подоконника. А потом вдруг выяснилось в прояснившемся небе все звездное богатство. Сразу как будто светлее, просторнее стало.

Вспоминают Николай Павлович с сестрой дни рабочей юности. Пробежали годы. Валентина уже на пенсии, да и ему стукнуло пятьдесят.

— Махнем на Дикое порыбалить, и брусья нынче страсть на болотах. Небось отвыкли от даров природы.

— Еще бы! — загорелась Валентина Павловна. — Город — он и есть город. На простор хочется, на природу.

— И то верно, — поддакнул Нежданов.

— Знаю, любишь простор, — улыбнулась брату Валентина. — Читала в газетах и журналах про твои подрядные замахы, уральский сибиряк. Как с бригадным?

— Если обобщить: первые два года осваивались, входили, что называется, во вкус. Справляемся с заданиями. Нынче сбились из-за смежников и собственной комплекции. В этом направлении будем работать, меры примем чрезвычайные. Интерес у ребят к подряду огромный, не то что раньше. Есть понимание его преимущества. Это — главное достижение.

Ночная беседа

На Дикое выбрались с ночевкой. У Неждановых свой «газик», Надежда Андреевна неплохо водит. Сели вшестером, прихватив и Анюту. Шестым Карлыков — тоже автолюбитель и рыбак. Покатали по тряской бетонке в дальний конец Самотлора на запovedное озеро Карлыкова, знающего каждый

изгиб Дикого. Уверял, что будут с уловом. Дальше, зато результативней.

Стараясь занять попутчиков, то ввертывал анекдот, то вступал в полемику о преимуществах «Волги», которую недавно приобрел, перед «газиком».

Рос Карлыков без отца, может, потому бывал иногда резок. Но отзывчив на доброту. Встретив однажды Нежданова, прикипел к нему душой. Нежданова к Карлыкову привлекают основательность и энергия. По общественной линии — депутат городского Совета со стажем.

С бетонки повернули на лежневку с донельзя измочаленными хлыстами. Едва не съехали в няшу, куковать бы без рыбалки. Надежда Андреевна газанула, бегунок заелозил на месте, судорожно рванулся, скакнул, как кузнечик.

Курсом — на буровую, видневшуюся неподалеку. Миновали вышку, и с соснового угора открылось озеро.

— Красота-то какая! — выдохнул Николай Павлович.

Озеро простерлось в закат. С той его стороны стеной стоял угрюмоватый кедровник, плескались волны, а здесь затишье гладь. Надежда Андреевна загнушила двигатель:

— Ну вот и приехали. Все!

— Не все, — откликнулся Карлыков, — только начало. Кто за ягодами — туда, вправо. Как насобираетесь — подходите к машине. Рыбаки лихие — со мной.

Женщины вооружились ведрами, Анюта — корзинкой, и, пока кланялись затяжелевшим полновесным кистям брусники, «лихие» утянулись в бухту, обставленную корабельными соснами. В лучах заката стволы их медвяно струились, текли, перемигиваясь в переплесках воды. Лишь рыбы всплески-

зались молнийками, тревожа редкие кувшинки.

Размотали удочки. Быстро натаскали крутобоких окуней.

Карлыков распалил костер, вымыл рыбу в двух водах. Языки пламени обтекали котел, вода в нем скоро заволновалась, вспухла пузырями, наверх всплыли окуни с раздутыми трубчатыми ртами.

От ухи поднимался парок.

Над озером в остывающем воздухе закрурился прядями туман, штрихуя пространство. Озеро, оправдывая название, угрюмело.

Когда замелькали яркие косынки ягодниц, Николай Павлович устремился навстречу, подхватил на руки уставшую Анюту, у которой в корзинке тоже кое-что набралось. Радостная, показала:

— Па-а-ап, гляди.

Николай Павлович обожал дочь. Скучал о ней, когда долго дома не был. И сейчас был вполне счастлив, что вместе. Труд по призванию, семья, родственники, друзья, такая благодать у озера — что еще человеку надо!

Уху за неимением тарелок хлебали из котла. На десерт угощались брусничкой.

Была не по северному теплая ночь. Бледно-зеленое, в звездных россыпях небо, по склону опаленное факелами. От близкой воды веяло спокойствием.

Женщины, устроившись на сиденьях «газика», скоро уснули, сморившись. Мужчины у дотлевающего костра не смежили до утра глаз. Доверительно беседовали — больше о работе, которая была на первом месте везде, и даже здесь.

— В первом квартале еще верили в монтажников, но их согнали на Белозерную «горящую» НПС: сроки безвозвратно упу-

щены. Зачем и кому нужен такой подряд, если заведомо невыполним,— возмущал Карлыков, часто прикуривая от уголька.— Комплектация поставит тонну металла, а просит подписать пять, дает бракованные детали. Швеллера на эстакаду вдвое толще и шире, на каждом метре лишних восемь килограммов железа теряем. Кругом перерасход. При подряде все точно должно учитываться, сколько цемента, металла, дерева — до килограмма и куба. Учитывают? Где уж там!.. Нет порядочных электровибраторов.

От бывшего благодушия у Карлыкова ни следа.

— Одно дело в теплом кабинете щелкать костяшками, совсем иное — из года в год на сквозняках и слякотях. Такое ветеранство — подвиг! Бывает, после бетона или подгонки балок на высоте поджилки трясутся, а надо еще сварить точно по стыку. Тебя снег сечет, дождь прохлестывает — терпи, надо! Бывает, рукавиц искрозащитных нет, брезентовые прогорают — терпи! Лучше колючая правда, чем приукраска для блезира. Во всем обязаны разобраться. Вот определит совет бригадиров монтажникам премию — тогда кое-кто вздрогнет.— Поднялся, скрылся в тумане-сумраке и вскоре вновь появился с охапкой сушняка.

— Именно совет бригадиров,— продолжал с убеждением.— На парткоме отмахнулись, но жизнь рано или поздно заставит понять и принять.

Муж Валентины Павловны не смолчал, подал голос:

— Слышал, что Самотлор выведен на проектную мощность, газлифтные станции взбодрят уставшие пласты, заставят действовать. Газ вместо подъемника вынесет нефть. Так разумею?

— Точно! Мы со своей стороны делаем все возможное и невозможное, а кое-кто не только не делает, а еще и тормозит. Попробуй убеди Васюту. Кран нам дали по милости своей монтажники. А заберут — и останется кабельная эстакада незавершенной до лучших времен. Чем подашь балки? Кран необходим и при бетоне. У нас бетон пока что основное, все фундаменты и рост-верки наши. Хорошо, есть «Беларусь» с ковшом, а то с носилками, как в стародавние времена, пришлось бы управляться. Я за порядок в графиках: все в свое время — и не позже!

Карлыков ухнул сушняк в костер, огонь взметнулся высоко, проплавив туман, будто снег.

— Случается хуже, но реже. На родственном КСП укладывали трубу с подставкой-ложементом. Начальнику участка как будто все равно, приказывает: «Бросайте прямо на снег и лед». А растают — тогда что? Завалится труба, весь труд насмарку! Ноль внимания на такого начальника. Для показухи и малой планки не положу, не то что трубу, кое-как. Рвач, говорю, ты, дядя, рвач и бессовестник, если по-честному. Потом три ночи спать не мог, разнервничался. Мой доармейский наставник внушал: «Делай, Коля, хорошо, а плохо само сладится...»

Именно такими рачительными хозяевами и представлялись самотлорцы гостю из Свердловска. Не мельтешат без нужды, но всегда пекутся о производстве. Искренне порадовался, что у Николая Павловича в бригаде работают такие одержимые подрядом люди.

— Опять же о графиках, — ловким рыбацким подсеком Карлыков выхватил из жара уголек, пометал на ладони, прикури-

вая.— Лето благодумничали, прохлаждались — завалили газлифт. Гляди, начнут министерства бомбить телеграммами, понагонят людей, как на Белозерку. Васюта с семи утра на объектах: «Давай! Давай!», только зачем это его «давай», если ни выходных, ни проходных. Из-за штурмовщины у меня сверхурочных скапливается по двести—триста часов. Вместо того чтобы побыть дома с семьей, замаливаю чужие грехи. Как в анекдоте «Почему дети плачут». Министр дал головомойку начальнику главка, тот — начальнику на ступень ниже, тот — мастеру, мастер лишил премии работягу, работяга, придя домой, в сердцах дал нагоняй жене, дети плачут. А ведь можно работать меньше, но лучше...

Незаметно рассветало. Туман приподнялся, поредел. Озеро отливало сплошной гладью, в которой, как в зеркале, отразился берег с высокими стволами сосен, с людьми у костра...

Бетон-непрерывка

Шестнадцать объектов станции... Чтобы наверстать упущенное, охватить все, ввели вторую смену. Чужих вмешивать не надо, иначе что это за подряд? Нежданов сосредоточенно продумывает, кому что на сегодня. Пока экспресс катит на «тройку», «проясняет» предстоящий день. Довести до ума столовую, Кравченко займется щитами опалубки, Крестов — бетоном...

Субподрядчикам разослали письма-обращения, заключили с ними договора — все откликнулись. Настолько охотно, что через газету во всеуслышание объявили о поддержке принципов «эстафеты». На деле стараются. Все в трудовом напряжении.

Рядом с Неждановым грузный Володя Бурлаков, звеньевой монтажников, отличный сварщик. Он известен еще и как рационализатор. Приспособил гидравлические, от «Беларуси», «ножницы» для резки арматуры. Прежде это делали с применением сварки — тратили электроды, энергию.

Звено Бурлакова готовит армокаркасы, опалубки готовит Булат, а бетон — стихия Крестова. Три верных командира. Васюта пугал, что увеличенная бригада станет неуправляемой, не расхлебаться звеньевым. А они работают по-ударному — на распределителе в аппаратном дворе, на холодильниках.

Серьезный экзамен — заливка фундаментов под компрессоры. Бетон решает все. Окажись с раковинами, слабым — труд на смарку, не примет инспекция по качеству.

Володя-рационализатор извелся, когда аварийно отключили свет: пропадает заливка. Сообразил воткнуть для подогрева электроды, плеснул для проводимости солевой раствор, а поутру подключил ток. Спас бетон.

При всей грузности на удивление проворен, успеваешь варить, читать чертежи, учить новичков. У него перенимает науку Таня-ветеранша, захотевшая переквалифицироваться. Володя посоветовал ей вначале овладеть электродом: как закрепить в держак, положить шов. Мало-помалу приблизил к армокаркасу. И вот Таня с превеликим волнением склоняется возле квадратно-решетчатого сооружения. У нее получается. Володя хвалит.

Бурлаков как раз из тех коммунистов, которых партгруппорг Краев ценит за «устойчивые взгляды и серьезное отношение к общественным поручениям». Многие из ребят здесь вступили в партию с рекоменда-

циями своих товарищей по бригаде: Кравченко, Карлыков...

Приехали. Тепло, тихо, солнечно. Террикон льда неподалеку исходит голубоватыми слезами — истаивает.

Альбас привез в бригаду сына Валериана. Не прочь и сам вернуться, да совесть не позволяет. Погнался за наваром, так молчи. Альбас трогает щетину на скулах:

— Бритвой резал кабель, затупил, вынужден отпускать бороду... Вообще ничего живу, разнообразно: щенка дрессирую, клевер под окнами высеял. А как у вас?

— У нас разнообразней. Станция. Спорткомплекс. В честь спорткомплекса спартакиада. У нас — коллективизм.

— Ну конечно, — поддакивает Альбас, — вливайся, Валериан, будь достойным.

— Только не в отца. Отец на поверку индивидуалист.

Шутки кончились, вот он, приговор. Альбас умолкает, оттирается в сторонку. О нем забывают.

Нежданов, как всегда, в минуты определил позвенно и персонально: кому на чем сосредоточиться, что важней. Едва распорядился, Пикман на пороге. Принялся информировать о том, что на совещании в Сургуте заинтересовал экспериментом заместителя министра, обещает тот поддержку. Надо бы не подвести, сегодня же приступить к компрессорным фундаментам — ключевым на площадке. Показать класс.

Бурлакову задача — до подхода машин завершить армокаркас, Крестову — почистить «калошу», ковш подкрановый. Отобрать добровольцев в ночь, звеньевые — с ними.

И завертелось. Сварщики дружно взялись за держак. Володя в кабине «Беларуси» нажимал рычажок гидравлики. Таня

подсовывала прут арматуры под «ножницы» секача, которые без особых усилий «откусывали» равные порции,— изобретение в действии. Откушенные куски подхватывали ловкие руки сварщиков, пришивали.

Бригадная кормилица Галя Мартынцева, пока не развернулся общепит, варит артельный кулеш. На украинский манер, какие варят у них в Липовой Долине.

А Гриша Кравченко — спец по дереву. У станка, им же собранного, пилит доски для опалубки. Карлыков доски увозит, а Булат верстает из них опалубку: доску к доске прилаживает на болты и проволоку. Все сводится к фундаментам.

Вон и машины показались вереницей. В свежеотсыпанном песке проседают, буксуют. По распоряжению Нежданова Карлыков направил туда трактор «сотку»: любой самосвал легко берет.

На армокаркасе таким кудесником-ловкачом Крестов погружает вибратор в серую вязкую массу — глубже, глубже. Жужжит вибратор, сотрясаясь, въедается металлической головкой, до тех пор разжижая массу, пока не даст бетон «молочко». Даст — значит, порядок.

Машина за машиной, ковш за ковшом... Рядом с Крестовым водитель «оперативки» Ферингер, только что вернувшийся из отпуска. Принимает «калошу», отмыкает замок в тот момент, когда она проплывает над армокаркасом.

Свет факелов пронзительный, как ветер. Мозгло, холодно наверху. Тьма вокруг площадки плотная, давит, теснит «пяточок» света. Тучи оцепили низким наволоком, пуляют крупной.

Машин нет. В чем дело? Оказывается, течки замерзли на растворном узле, бетон не идет. А бетон любит непрерывку. Беда,

если затянется пауза. Пикман натягивает рукавицы-брезентовки и бьет кувалдой по лоткам. Не поддаются: схватился камнем бетон.

— Вырезай отверстия автогенем! — приказывает Григорий Ильич сварщику. — Вырезай, и немедленно!

Сварщик отхватил наросший бетон вместе с железом. Хлынул раствор. Снова замелькали огни фар на «тройке», разлетаясь веером или вытягиваясь прерывистой нитью.

На армокаркасе завел свою нудотню вибратор. Крестов методично сбивал занемевшими на холоде пальцами замок «калоши».

Пикман, бодрствовавший в диспетчерской треста, лишь под утро ушел соснуть.

На «тройку» устремлялись КраЗы, «Татры», ЗИЛки-маломерки. Вел колонну знакомый, теперь уже не только Нежданову, татрист.

На армокаркасе рабочие сменились. Лишь Крестов неизменный — в двух спецовках, колюче-усатый, ясноглазый. В его команде Илья Резник, выпросившийся-таки на «мужское дело». По-прежнему рвется в рабочие, но нужней его экономические знания. К работам здесь Нежданов допустил в порядке исключения: пусть разомнется, утолит охоту.

Резник в бригаде выполняет большую работу, вся канцелярия «эстафеты» и подряда на нем. Готовит договора со смежниками и стройуправлением, он же занимается целевыми заданиями. Новизна этого соревнования в том, что обычно учитывают производительность, количество кубов, тонн, прочие показатели, а при «эстафете» важно выполнение в целом: такой-то объем работ, в такие-то сроки и с таким-то каче-

ством. На графике-стенде отмечается, что и как выполняется. Если выполнение затягивается, по показателям стенда можно установить виновных и соответствующим образом с них спросить.

Заклучили договора со всеми смежниками. Действует единая для всех система материального и морального поощрения, единый интерес — своевременный ввод объекта. Строительство ведется под девизом: «От взаимных претензий к взаимной вырубке!». Создан штаб «эстафеты», который координирует работу всех участников, определяет меры морального и материального поощрения. Задача Резника — курировать передачу фронта работ смежникам, обеспечивать контроль по графикам, осуществлять контроль за качеством материалов, организацией рабочих процессов на площадке, качеством исполнения и техникой безопасности. С бригадиром решает многие технические и организационные вопросы. Кроме того, ведет расчеты по бригаде «от себестоимости материалов до зарплаты». Обложился ворохом бумаг. Резнику для занятий соорудили балочек, и он тем вполне удовлетворен. А вот испробовать силу молодецкую все-таки хочется, и он напросился в ночь на бетон. Чуть призамедлишься — «Давай! Давай!» — подшевелит звеньевой, и уже сам подшевеливаешь кранового: «Вира-а! Майна-а!»

Володя Бурлаков с кучи грунта прицеливается нивелиром на выставленную вешку — определяет верх фундамента и выводит оси, варит анкерные крепления. В проекте нарисовали их из бетона, а плиты компрессоров с отверстиями для металла. Володя сварил анкеры из металла и переместился на второй компрессор — всего их будет три.

Похолодало. Ветер, снег. Отсыпанный песок сковало, и машины покатались, как по мосту, без дополнительной тяги.

Чуть свет появился Пикман. Заседание штаба он ведет в разговорно-собеседовательной манере. Справа за столом — на том месте, где обычно сидит Нежданов, — заказчик из газлифтного управления, рыжеватый, громкоголосый малый. Выглядит растерянным, возможно, из-за того, что не вписался в трудовой ритм, а потому оброс недоработками. Бессилие прикрывает громкоголосием и видом знатока. По восьмидесяти позициям не может поставить оборудования. Чтоб хоть как-то реабилитироваться, упрекает неждановцев:

— На сегодня должны дать первый компрессорный фундамент, где он? Я недоволен генподрядчиком. Сейчас могли бы уже вести монтаж.

— Фундамент готсв! — возражает Пикман.

— Когда? Сутки назад еще не было, — удивляется заказчик. Крутится, как на иголках.

— Готов, — коротко повторяет Григорий Ильич. — И следующий на подходе.

Идут проверить. В самом деле, возвышается красавец. На сто два куба. Крестов воинствует на втором армокаркасе. Галя Мартынцева «точкует» машины с бетоном — считает, минуты впустую не усидит, сама ищет работу.

Илья Резник после смены домой не уехал, в балке-резиденции набрасывает проект договора с заводом строительных материалов. Упустили, не «одоговорили» ЗСМ, а от снабжения многое зависит. И одновременно думает о том, как до минимума свести затраты времени, чтобы быстрее опробовали и запустили в серию оборудование.

Это и от него, экономиста, предусмотренного штатным расписанием, зависит, чтобы страна освободилась от иностранных поставок. Делегация возвращается с площадки — и заседание штаба возобновляется.

Заказчик почти категорично, с апломбом:

— Представьте монтажный график: кому и что завозить в этом месяце.

Пикман несколько раздраженно:

— Графики есть, везите оборудование. Не ловите мух. С опытом и возможностями, а отстаеете от жизни.

Телефон, вода, техническая и питьевая, — все занимает Пикмана. В третьем квартале обязались опробовать станцию, а традиция проволочек как была, так и остается...

Заказчик миролюбиво-уклончиво:

— Не будем экзаменовать друг друга.

— Будем! И себя, и других! Кран для монтажа компрессоров где? Нет еще оборудования с семи заводов. Действия их несогласованны. Все графики летят. «Эстафета» дала толчок субподрядчикам, они воспрянули, но заказчик оказался не готов. Я еду с письмом в Миннефтепром. На днях еду, не можем рисковать пуском.

Идет заседание штаба.

Идет бетон-непрерывка.

Машины подруливают, гудением сотрясая стены бытовки. Крестов не устал, лишь в глазах рябит от серой вязкой массы, оползающей в углы. Чтоб не рябило, грызет леденцы и насвистывает «Марш Черномора».

Успевает наговориться по поводу соревнования на лучшую спортивную бригаду, объявленного газетой «Известия»:

— Чем хуже других. Первые на производстве. Первые построили стадион. Скоро участие в спорте будет обязательным. Есть

на это постановление правительства. Так дерзнем, где наша не пропадала!

Его поддержали спортиструктор Кульматицкий, Нежданов и все остальные. В бригаде во всем коллегиальность. По соседству передвижная колонна монтирует компрессорную: ставит колонны, балки-ригеля. Монтажники наверху в брезентовках, как зеленокожие жуки, зависли.

Сваебойщики усердствовали...

«Тройка» — лишь один из «пятакков» комсомольско-молодежного ордена «Знак Почета» треста Мегионгазстрой. В свое время в этом же тресте за сдачу головной НПС Нежданов получил звание Героя Социалистического Труда, а двенадцать других строителей были награждены орденами и медалями.

Мегионгазстрой сооружал газовые заводы. И сегодня выполняет работы на 46 миллионов рублей в год. В тресте вовсю идет техническое перевооружение и широкое внедрение передовых методов. Об этом говорил министр на коллегии, приветствуя почин на «тройке».

Подобное же сделано у трубопроводчиков. Крупная маневренная бригада работает по единому наряду в тесном контакте с ИТР. Большая механовооруженность у таких бригад, затраты в пределах суммы, предусмотренной сметой. В подряде задействованы все субподрядчики...

— Наши предложения получили поддержку на всех уровнях, — закрывая заседание «штаба», сказал Пикман. — Пойдем дальше трубопроводчиков, у нас свои особенности и задачи.

В Глухарином бору

Открытие спорткомплекса дважды откладывали. Один раз погода подвела: ударил вдруг снежный заряд, лишил видимости. Снежный вихрь бил в глаза, слепил, пронизывал, сгибал сосенки, с корнем вырывал кустарники и мшагу, сдвигал посильное его разудалому своеволию.

Другой раз работа отодвинула событие.

Но вот и погода на загляденье, и время выдалось. Почетный гость — Матрена, гостившая у сына. Приехала, внимательно осмотрела спорткомплекс, построенный между делом. Она же разрешила красную ленточку и даже речь сказала в несколько фраз. Но не было в ней прежней живости, что-то томило, сковывало охотницу. Так это на нее не похоже, что Нежданов встревожился: что случилось? Спросил.

— Ленька сбежал, — пожаловалась Матрена.

— Как сбежал? — не понял Николай Павлович. — От жены, что ли? Развод?

— Не-ет, не то, — замахала Матрена. — На глухарей поманило, начальник НГДУ ругается, грозит уволить за прогулы. Спасай Леньку, депутат.

— Ты погоди, по порядку объясни: на каких глухарей? Зачем они ему?

— Ленька же из леса и от реки, он привык слушать ток. А дисциплину забыл, НГДУ — это не колхоз, в колхозе все свои, можно прогуливать. Верни, депутат, Леньку.

— Пойти с тобой на Вах? Задача неожиданная. Но следует парня вразумить. После обеда отправимся. Как квартира?

— Квартира хороша, спасибо, депутат. И работа у Леньки хороша, Ленька заурочил — плохо.

— С Ленькой разберемся.

На перекладных-попутных добрались с Прасиной до Ваха. Дальше, в верховье,— пешком, спрямляя маршрут по малозаметным тропам. Часа через полтора на излучине за обрывом, где вода стремительна и темна, показалось несколько бревенчатых домов. Матрена потянула на себя дверь одного из них, дверь подалась легко: не заперта. В избе две дощатые самодельные кровати, стол у окна, тоже самодельный, больше ничего. Пустота. Без мебели изба казалась нежилой.

Ленька на чурбаке у стола ловко метал в рот кедровые орехи и смотрел в окно на крутизну обрыва.

Чертами Ленька, как русский,— не плосколиц, не узкоглаз. Нос, слегка привздёрнутый, припухлые губы в кедровой шелухе придавали Прасину-младшему выражение задора. Глаза, не в пример юминским, светлые. И волосы светлы. Вполне примешь за Ваню из Смоленска или Калуги.

И в то же время у Леньки что-то от древности, от всего, именуемого Севером. Этот парень вобрал в себя обычаи и пристрастия многих поколений хантов, следовало считаться.

Николай Павлович не стал упрекать. Повел разговор издали о житье-бытье, о погоде, сидя на обитом жостью сундуке, из которого перед тем Ленька достал помеченную ржавчиной двустволку:

— Дарю, депутат. Мне ружье ни к чему: давно не стреляю, отвык. Так что задаром бери,— протянул «ижевку».

— Мне тем более ни к чему,— отказался Нежданов.— Не стрелок. Ты чего сюда забрался? Вот мать беспокоится.

— А-а,— хитровато-простодушно улыбнулся Ленька,— понимаю. А я думаю, чего это депутат нагрязнул. За работу опасается

ать, я и сам опасуюсь. А на ток все же ходить должен. Давай вместе сходим, депутат. Один раз услышишь — не позабудешь до смерти. Заодно музей, кладбище покажем.

— Не знаю, если только ненадолго,— согласился Николай Павлович.

— Хорошо! — обрадовались оба Прасины.— К вечеру и глухари загычут. В самый раз идем.

Углубились в ельник, такой плотный, что в иных местах пробирались на четвереньках. Неожиданно перед ними встал обрыв. Раздвинул Прасин-младший нависшие корни деревьев — открылась пещера. Ленька зажег фонарь «летучая мышь» и осветил.

В центре пещеры пучил глаза деревянный, с толстыми губами идол. Стены увешаны оружием бог весть какой давности. Были тут луки на вбитых в земляные стены вешалках, копья с костяными и металлическими наконечниками, ружья кремневые и шомпольные, ножи — уникальное в своем роде собрание.

Что еще удивило: череп мамонта. На луках и стрелах, на древках копий резное изображение мамонта: знак — тамга, свидетельствующий о древности рода.

К кладбищу шли через болото, словно полосой препятствий защищавшее его от людских вторжений. Дятел-желна кричал «кви-а, кви-а» резко, протестующе, как сучья ломал, мол, потревожили не ко времени, и неровным скачущим лётom перемещался над рябым березняком и унылым чапыжником.

С чувством радостного нетерпения выбирается Николай Павлович из болота, и его со всех сторон охватывает медвяно-золотистое тепло. Изливается крепчайший настой

озона, серы и скипидара, еще чего-то хмелящего. Покой удивительный. Вон белка прыгнула и замерла в развилке, с любопытством наблюдает. Синицы твинькнули. Дятел-желна в отдалении опять пообижался.

Извечно-величавое все вокруг, перво-данное, каким было и столетия назад, — естественный заповедник. И все это заставляет робеть и настораживаться.

Вон кладбище на речине. Бугры могил с дароприношениями. А эта усыпальница и вовсе ухоженная, нарядная: на ней расшитые затейливым национальным орнаментом оленьи кисы, мужские рубахи, новехонький самострел, охотничий пояс. Матрена замерла в немом поклоне, и Нежданов понял: ее Иннокентий похоронен.

Богатые дары Иннокентию от жены и сына. Знать, верят, что в мире, куда переселился Прасин-старший, все как на земле. Бесспорно, почитают Иннокентия.

При их появлении с могил взлетели глухари, кормившиеся гречневой кашей, вероятно, предназначавшейся усопшим. У опушки бора петляла тихая, в оторочке черемух, протока. Там в затишке развели костер, поужинали копченым муксуном и рябчиками, чаем с душицей. Вечер опустился неведомо, незримо, сея повсюду рябые, как бо-лотный березняк, сумерки. Солнце прощально позолотило согорник.

— Пора.— Матрена потушила костер и повела их с Ленькой в бор. Вдруг справа, невысоко над головой, негромкое гортанное «так! так!». Пауза — и снова: «так! так!» — уверенней, чаще, сливаясь в трель: «тэ-ке, тэ-ке-трр», которая тут же перелилась в нежно-мелодичное «чч-чу-вия, чч-чу-вия», — токует глухарь! В этот момент ничего не слышит и плохо видит. «Чч-чу-вия... тэ-ке-тэ-ке...»

В непритязательных шипяще-свистящих звуках такая силища и удаль — дух захватывает.

— Хозяин,— прошептала Матрена.— Самый главный. Объявляет ток.

И точно: затэкали, заскиркали, наперебой изощраются. Нежным стонущим квохтаньем поддакивают внизу копалухи. К ним на землю с шумом-хлопаньем падают кавалеры, выделывают возле залихватские фортели, широченным веером распуская хвост. Галантно раскланиваются: мол, вот каковы! Выбирайте! И только главарь терпеливо правит службу, не вступая в заигрывания. На фоне заката он виден отчетливо.

Под деревом его низким грудным стенанием зовет-манит курица: «коок, коок» — и не может дозваться. Зеленошейей бородастый главарь в перьевой оправе важнецки вышагивает на толстом отлоге суку, выпятив и без того бугристую грудь и настрив шею. На фоне зари, как резцом вырезанный, до перышка обозначен: с пестринами на брюхе. А борода под клювом — ну что за борода!.. Охмелевший от весны и тока, ничего не сторожится.

Глухариным игрищам здесь никогда не мешали, и главарь беспечен. Клокочет, как кастаньетами бьет, а потом точенье ласковенькое устраивает, будто ножичек направляя. Да с напором, с напором! В тесном горловом пространстве звуки сшибаются, опережают друг друга.

Плоскоспинная, рыжевато-бурая курица принимается выбирать букашек или, обиженная, делает вид, что выбирает, томит неподдающегося стенанием. Не выдержал «хозяин», сорвался с величавой высоты, упал рядом. Из разволнованного горла вместо обычного заключительного аккорда: «чувия» исторглось: «у-а-а-а», и — сорвался. До-

садливо скиркнул, мол, загулялись, хватит. Ток стихал...

Тьма запечатала пространство, стерла золотисто-медвяное.

Оттоковавшие мошники и подружки-копалухи устраивались на ночлег здесь же, в бору, кто на земле, кто в вершинах сосен. Прекрасная в своем естестве лесная былль.

— Вечный круг жизни. Из земли пришли, в землю грянем, только не в одно время,— глубокомысленно и, как показалось Николаю Павловичу, обреченно вздохнула Матрена.— Грянем, а жизнь останется. Тем и хороша, что остается навсегда. Жаль, Иннокентий не дожил, не узнал про нефть, про железную дорогу, что из Тюмени протянулась...

В это время в согорнике прокричали сонные журавли, словно в хрустальные склянки напоследок ударили.

— Это мне,— неестественно звонко вымолвила Матрена.— Слышу...— Приставив рупором ко рту ладони, закурлыккала, вызвав ответный клич с болота.

— Айда, мать,— тронул Матрену Ленька.— Чего при госте.

— Но ведь зовет, сдавливая тоской и одиночеством, сгину я одна, Ленька, и к вам не могу. Не мое там.

— Навещать будем.

— Навещайте.

Благополучно миновали болото и ельник.

В избе у Нежданова состоялся разговор с Ленькой. Он объяснил Прасину, что такое дисциплина на предприятии и как отразится его отсутствие на нефтедобыче. Роль оператора в нефтедобыче велика.

Ленька не проронил ни слова, но наутро собрался с Николаем Павловичем в путь.

Матрена долго смотрела им вслед. Было в ее взгляде такое, что у Николая Павловича больно защемило сердце.

Предчувствие не обмануло: вскоре Матрена умерла. Ее похоронили рядом с Иннокентием.

Быть первым нелегко

Проводив Нежданова, министр подумал: «Беспокойный, правильный человек. Не за свое личное бьется, за общее дело. И уже есть у него последователи в Приобье. Затраты сил велики, но и толк есть. Быть первым нелегко...»

Вспомнилось выступление Николая Павловича на пленуме обкома об окончании пятилетки. С жаром тогда говорил:

— Объемы работ по Западной Сибири больше, чем вместе взятые объемы Атомаша, БАМа, КамАЗа, а ведь каждый из них — великая стройка. Многие считают обустройство месторождений делом решенным. А это далеко не так — предстоит завезти массу людей, оборудования, материалы, создать новые тресты и управления... В стране за минуту производят более двух миллионов киловатт-часов энергии, выплавляют 1500 тонн стали, столько же добывают угля... Разве не обязаны мы задуматься, во что обходится Самотлору и всему Приобью минута? Могли бы, благодаря подряду, отгрохать мощные тепловые станции на попутном газе, новые дожимные и газлифтные станции, сборные пункты, вахтовые поселки, города. Вот что такое минута на Севере, подкрепленная подрядом...

Тюменский меридиан с его масштабами, проблемами, остротой возвел Нежданова в

личность, достойную времени. Кажется, не очень много и поработал на Тюменском Севере, а сделал уже немало. Главное для него — государственный интерес.

На последнем министерском совещании ратовал за малую механизацию на площадке. Техника нужна маневренная, для многих операций. Мощные мотоединицы порою больше потребляют, чем отдают. По дороговизне они сродни вертолету, а проку от них не больно много. Нужен участок малой механизации. Без него подряд зачахнет. На Самотлоре нужно применять все самое передовое, а у нас или не хотят, или не решаются экспериментировать. К примеру, вопрос с той же техникой в бригадах. Ее либо не хотят дать, либо бригады по неразумению отказываются взять. Да всем и не нужна, лишь крупным подрядным. На крупных объектах.

Министр прошел к столу, достал из папки письмо Нежданова.

«На XXVI съезде партии отмечалось, что пятилетка — экзамен для строителей, — писал Н. П. Нежданов с присущей ему обстоятельностью. — Отличительная ее черта — концентрация сил и средств на завершении строительства и пуске предприятий, способных обеспечить наибольший прирост продукции. В осуществлении этой задачи бригадному методу принадлежит ведущая роль: будет подряд — будет успех.

Наш коллектив впервые заключил договор в 1974 году. В бригаде тогда было двадцать человек. Кроме общестроительных работ, стали выполнять еще и монтажные. Вскоре убедились, что выгодней брать на подряд весь объект, а не отдельные его составные части, работать одной бригадой.

Обратились с таким предложением в главк. Нам разрешили в порядке экспери-

мента увеличить бригаду, закрепили за ней трубоукладчик, бульдозер, небольшой экскаватор на колесном ходу. Механизаторы влились в бригаду. Стало посильным сооружение эстакад, частично — инженерных сетей, внутриплощадочных дорог.

Не скрою, часть людей оказалась неготовой к работе по-новому. Не приняли четкого ритма, повышенной занятости. При этом рассуждали: «Такие деньги получим и лежа на боку, зачем чертоломить». Некоторые механизаторы посчитали зазорным для себя при случае взять в руки лопаты и носилки. Но таких было немного. Довольно скоро сложился союз единомышленников, одержимых конечным результатом. Стали учиться считать, открыли школу экономической подготовки.

Конечно, как и везде, мешали срывы в снабжении. Бригаду перебрасывали на другие участки. Все-таки комплексный сборный пункт № 10 сдали раньше, выполнили неизмеримо больше работ, чем прежним составом за тот же период.

Крепко помогла инженерная организация. Начальник участка Ю. А. Ткаченко и старший прораб В. П. Ярышкин стали членами нашей хозрасчетной бригады. Свои месячные оклады они вносили в общий котел, получали зарплату по рабочему разряду и премиальные наравне со всеми. Материальное стимулирование оказало положительное влияние и на специалистов. Их забота об инженерном обеспечении, разумной расстановке людей, снабжении материалами стала более предметной и результативной. Перебрасывать бригаду с объекта на объект перестали.

Однако кое-кому в тресте это не понравилось, через год инженеров вывели из подрядного коллектива.

Сейчас много говорят и пишут о том, что в комплексных хозрасчетных бригадах обязательно должны быть инженеры. В частности, такое мнение высказал недавно заслуженный строитель РСФСР Сериков, сославшись на собственную практику. Да и без этого очевидна польза сотрудничества со специалистами. В Самотлорнефтепромстрое распорядились иначе. В начале прошлого года нам заявили: «Подходящего объекта, на какой можно заключить договор, нет. Слишком много незавершенки».

Посоветовались мы в бригаде и, чтобы спасти почин, согласились... на несколько объектов сразу. Взяли Белозерный товарный парк, кустовую насосную станцию, административный корпус, пождепо, общежитие. Число переездов, конечно, увеличилось, организовать стало сложнее, а тут еще переброски. Доходило до абсурда: два месяца, например, по указанию управляющего меняли козырек на здании треста. К концу года не сдали ни одного объекта.

Еще больше возмущает, когда Анатолий Кириллович внушает: «Ну что вы? Деньгами же не обижены».

Действительно, исправно платят за отработанные часы. По методу «за подскребку-подтаску». Бригаду подобная «зарплата» не устраивает: подряд научил ее относиться к делу по-хозяйски, по-государственному. Скажу больше, уравниловка в оплате бьет по творчеству, глушит живые ростки. Она выгодна лишь тем, кто стремится поменьше работать, побольше урвать.

Нас исподволь возвращают к старинке. Вот уже месяц нам обещают КС-3, что на отечественном оборудовании, интригуют сроками: тогда-то, тогда... Никогда! Вопреки здравому смыслу «законсервировали» бригаду, подрезали корни благим порывам.

Подряд на Самотлоре не преследовать надо, а совершенствовать. Но Васюта против, и на парткоме был против, и после. Обладая властью, создает искусственные трудности в пору развернувшегося соревнования за миллион тонн нефти и миллиард кубометров тюменского газа в сутки...»

Б. Е. Щербина отложил письмо, справился по телефону, кто ездил с проверкой на Самотлор. Назвали ему фамилию проверяющего. Вызвал его к себе и из разговора с ним понял, что отнесся проверяющий к поручению недобросовестно.

«Неужели ошиблись в Васюте? — подумал с огорчением. — Ведь опытный администратор».

— Командировку прежнюю оплачивать не будем, — сказал министр проверяющему. — Еще раз поезжайте в Нижневартовск, помогите Нежданову сверстать его подрядные положения не как прежде, вскользь да около. А Васюту — на коллегия...

Забегая вперед, скажем: в Мегионгазстрой, куда перевелся Нежданов, придет не один тот проверяющий, который здесь уже был. Несколько его коллег придут потом сюда не однажды. Потрудятся на славу рядом с Неждановым, Пикманом и Резником. В результате Положение о комплексном участке-потоке на правах эксперимента будет узаконено приказом министра.

Коллегия строго осудит поведение Васюты, несовместимое с должностью и званием коммуниста, вынесет «строгача» с последним предупреждением. В газете «Труд» появится статья «Частный конфликт?» с подзаголовком «Лучшая бригада строителей прилась не ко двору в тресте».

Вскоре после этого Васюту освободят от занимаемой должности.

Снова оставшись один, Щербина подошел к окну. Внизу Москва: в огнях вечера, в потоках машин и людей. Родная и близкая столица, сильная своей необъятной Россией и частью ее — Тюменским Севером, один из представителей которого — Нежданов.

Нестерпимо захотелось увидеть Самотлор и самотлорцев, почерпнуть сил для дальнейшей работы, окунуться в ветра и простор, ощутить масштабы свершаемого.

Кактус зацвел

В квартире Неждановых кактус выпустил нежно-розовые, засиявшие солнышком лепестки. Впервые за много лет зацвел. Где-то в теплых краях он легко распускает бутоны, а тут столько лелеяли, пестовали дитя пустыни жаркой.

Тем дороже цветок. Так дорога всякая победа, обретенная на тернистом пути. Министр и тот на последней коллегии признал во всеуслышание, что медленно приживается бригадный подряд, чему виной косность руководителей, — надо им ориентироваться на стабильные хозрасчетные коллективы.

Щербина поддержал трубопроводчиков. У них на трассе шоферы, работающие на «трубу», не входят в бригаду, но зарплата их зависит от заработка генподрядчика. У них линейные ИТР и механизаторы тоже задействованы в подряде.

Раньше в министерстве косо смотрели на «всякие такие» предложения, неспроста и проверяющий, приехавший впервые на Самотлор, при проверке письма необъективно подошел к решению вопросов.

Сейчас управление труда и зарплаты министерства помогает коллективам-новаторам, есть в управлении специальный отдел бригадного подряда. Он помог оформить Положение, применимое не только к самотлорской, северной специфике. Осталось лишь его подкорректировать, подшлифовать. Теперь бригада обретет новые права и обязанности, каких не знавала.

Пикман с Резником увезли в Москву перечень недостающего оборудования — семьдесят наименований — от «мелочевки» до мостового крана, необходимого при монтаже компрессоров. Хотя, в общем-то, оборудование — забота заказчика. Другой бы генподрядчик, исполнив свое (фундаменты), покинул площадку. Неждановцы остаются и не допустят каких-либо недоработок. У субподрядчиков при «эстафете» свой интерес: работают на совесть, не мирятся с еще случающимися простоями.

В Положении оговорено: договор заключается на полную или почти полную сметную стоимость. Не мелочась, возьмут компрессоры и другое оборудование, строительство зданий с монтажом и внутренней их отделкой, всю «подземку». Словом, все: от забивки свай и сооружения инженерных сетей — до сдачи станции эксплуатационникам. Работы, распланированные на пятилетку, будут расписаны наперед.

Положение охватывает если не все, то очень многое из того существенного, что будет влиять на сокращение сроков строительства. За счет новых форм оплаты труда, структурных изменений и тесного сотрудничества с ИТР могут быть получены небывалые результаты. Укрупненная бригада, благодаря внутризвенной специализации, выполнит колоссальный объем строймонтажа. Будет отрегулирован механизм

премирования: за ввод, за экономию, чтобы заинтересовать себя и смежника. Очень важный момент — механизм поощрения. От него в значительной мере зависит успех.

Лепестки пульсируют хрупким нездешним светом, нежно-бархатистые, насквозь просвечивающие. Николай Павлович трогает их, ласкает, представляя знойный песчаный простор среди однообразия барханов — кожистые, с колючками, с ярко-алыми расцветами растения.

Мысль въет прежнюю стежку.

Эксперимент в три этапа.

Этап первый: нуль (пока без забивки свай), монтаж внутри- и внеплощадочных эстакад, благоустройство территории. Это есть сейчас. Есть целевые задания субподрядчикам. В соревновании лучший тот, кто быстрее и с образцовым качеством выполнит свое задание.

Второй этап: забивка свай, монтаж эстакад и металлоконструкций, сантехника, изоляция, отделка. На три миллиона двести тысяч рублей.

Третий этап вбирает весь второй и монтаж технологического оборудования. Сметная стоимость более пяти миллионов. Договорами охвачены заводы-поставщики, транспортники и субподрядчики. На объекте начальник, его заместитель, мастера, механик, бухгалтер и экономист. ИТР получают надбавку к должностному окладу из фонда зарплаты и за счет премий.

Из техники добавятся два сваебойных агрегата, ямобур, трубач, компрессор, кран. Механизаторы в бригаде. Сумма всех затрат обсчитывается заранее, работа ведется по единому наряду на основе сводной калькуляции затрат труда и зарплаты.

Сюда же расходы на ИТР. Договор заключается с трестом на два года.

На третьем этапе бригада передается тресту, в нем специальный отдел по руководству хозрасчетными генподрядчиками, двухлетнее (для непрерывности строительных потоков) планирование. Мечталось давно, а явью становится сейчас, неожиданно быстро.

При раскладке учитывали инициативу «трубников» по организации скоростного строительства магистральных артерий, одобренную министерством. Месячные премии — до сорока процентов при выполнении задания, до шестидесяти — при перевыполнении с оценкой на «хорошо» и «отлично» и за досрочный ввод. Премии — с учетом районного коэффициента и северных надбавок.

На улице глухо, мрачно. Ветрено. Дождь пробрызгивает. По воскресеньям маятно-томительно Нежданову, привыкшему к действию. Ждет телефонного звонка. И телефон трезвонит прерывистым дискантом. Николай Павлович поднимает трубку. Голос Пикмана:

— Срочно приходи, Павлович. Жду у себя.

«А как? Как там?» — хотел спросить и от волнения не смог.

Пикман опередил:

— Порядок! Да порядок же! Есть приказ «О применении расширенного бригадного подряда, осуществляемого бригадой Героя Социалистического Труда Нежданова». Сегодня к нам на «тройку» прилетает министр. Так встретим честь честью!

Николай Павлович почти бежал, дыхания не хватало, он сбавлял шаг и снова пускался рысцей. Отчего люди не летают?

От распиравшей радости кабинет Пикмана показался несоразмерно тесным. Хотелось простора... Пикман возле стола приподнято-торжественный, с орденскими колодками в два ряда на лацкане пиджака, при галстукке.

Шагнули друг к другу навстречу. Обнялись. Победа!.. Будут трудности и неудачи, это осознавали, но нет преграды, которую бы не преодолели. Если дружно, если обща. Поуспокоились. Присели. Пикман протянул листки с мелким ротаторным шрифтом — буквы для микроскопа. Приказ. Виза Щербины отчетлива. Пункты циферками отбиты: то-то и то-то в такие-то сроки, ответственный Пикман.

Листочки как листочки, но сколько заключено в них, сколько шел к ним Николай Павлович, обретая врагов и друзей...

Техника дается в аренду, так удобней с ремонтами. Бригада, увеличенная до 85—90 человек, подчиняется непосредственно тресту. Отныне их подрядный объект именуется участком-потокком.

В основном все, как загадывали, коррективы незначительные.

— Мысль об эксперименте у меня зародилась давно, — говоря это, Пикман расхаживал по кабинету, не мог усидеть, — не было бригады, с какой можно было бы взяться за большое это дело, ни бригады, ни бригадира. А тут волей судеб ты со своими молодцами и схожими устремлениями. Как не воспользоваться!.. Министр в курсе наших дел. В связи с запретом Рейгана на поставку нам оборудования он вылетел на Север. Его хозяйство — трубопроводы, газлифт. И все мы невольно оказываемся на острие политики... Едем, машина ждет.

— Резника загодя посылал с письмом в Миннефтепром, чтобы сдал его в секретариат, зарегистрировал, — продолжал Пик-

бы люди отдыхали, но сам больше месяца не выдерживаю, если собрать все недоиспользованные дни и недели — больше года! Жена упрекает: «У тебя нет личной жизни», а без работы какая личная жизнь. Ложусь спать переполненный мыслями, встаю с тем же. А если нет ничего — оторвался от жизни, зачах. Не испытывал этого и не хочу. Представь: то, чем жил, дышал, вдруг отняли, вырвали... опустошили.

— Договор с бригадой перезаключим на два года, как сказано в приказе. Отныне вы наши, трестовские.

На площадке уже собрались субподрядчики — изрядно народа. Все ждали министра, а его все не было. День клонился к закату, и кое-кто уже направился к машинам, как вдруг стрекот заставил насторожиться. Вертолет приземлился на бетонку возле станции, из него выпрыгнул Борис Евдокимович, с ним ответственные работники — едва поспевали за Щербиной, энергично шагавшим по площадке между корпусами и эстакадами...

— А здесь почему одни ростверки? — остановился резко министр. — Где аппаратный двор?

— Не монтирует ПМК. Вот он, — Пикман ткнул мальцем в начальника передвижной механизированной.

— Почему? Нет панелей?

Промолчал начальник колонны.

— Передать монтаж Нежданову, по приказу монтаж коробок со второй очереди, а вы начните сейчас.

— Есть! — по-военному откозырял Пикман.

Надо было знать Щербину, чтоб не удивиться его решению. Его знали. Крут. Тем более знали Нежданова: этот вытянет.

— Почему станция дороже импортной? Мы за удешевление, а не за удорожание. Пересчитайте...

Теперь представитель из главка не нашелся что сказать.

— Пересчитайте и расчет — мне. Пора начинать вторую очередь, а то зависнет бригада. Думайте о темпах и людях.

Потом на совещании в бытовке говорил о важности именно сейчас, когда капиталисты бойкотируют поставку, ускоренного строительства КС-3. Не только ее, всего газлифтного комплекса. От этого зависит уровень нефтедобычи, а это — могущество страны, ее благополучие.

Нежданову больше всего запали слова о второй очереди. Да, надо. Он соберет партгруппу, озадачит. Его поймут с полуслова, поймут и поверят ему. Краев наведается в штаб ЦК комсомола (стройка-то комсомольская), чтобы ускорить первый воскресник. И не только воскресник, каждый молодой водитель сделает на КС сверхурочную ходку.

Все так и получится. Будут эти сверхурочные ходки, воскресники, самосвалы с бетоном-непрерывкой. Карлыков бульдозером будет ровнять песок, а Галя «точковать» — считать машины.

Вечером усталый Николай Павлович вернулся домой. В полутемной гостиной хорошо различим цветок кактуса. И не один — второе солнышко распустилось.

Сзади на плечо легла рука жены.

— Поздравляю. Ты хотел и добился.

Постояли молча. За окном плыла, кружилась звездами ночь августа...

Содержание

5	Борьба и надежда
14	На круги своя
22	Время подряда
30	Свежий ветерок
43	«Придется повоевать»
49	Без бригадира и при нем
54	Не отступать!
62	Удачный день
68	О Ваули и прочем
76	Среди своих
86	Главное достижение
95	Ночная беседа
100	Бетон-непрерывка
109	В Глухарином бору
115	Быть первым нелегко
120	Кактус зацвел

Николай Павлович Смирнов

Государственный интерес

Редакторы Ю. А. Утков, Г. В. Чукрсеv
Художник А. В. Вохмин
Художественный редактор Г. И. Кетов
Технический редактор Л. М. Голобокова
Корректоры Е. И. Ерина, О. А. Малютин
Фотографии Н. И. Гынгазова

ИБ № 1306

Сдано в набор 21.09.83. Подписано в печать 16.04.84.
НС 12144. Формат 75×90^{1/32}. Бумага типографская
№ 1. Гарнитура журнальная рубленая. Печать высокая.
Усл. печ. л. 5,3. Усл. кр.-отт. 7,0. Уч.-изд. л. 5,5.
Тираж 5000. Заказ 613. Цена 25 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219,
Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография
изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск,
пр. Ленина, 49. Обложка и вкладка отпечатаны в
производственном объединении «Полиграфист»,
620151, Свердловск, Тургенева, 20.

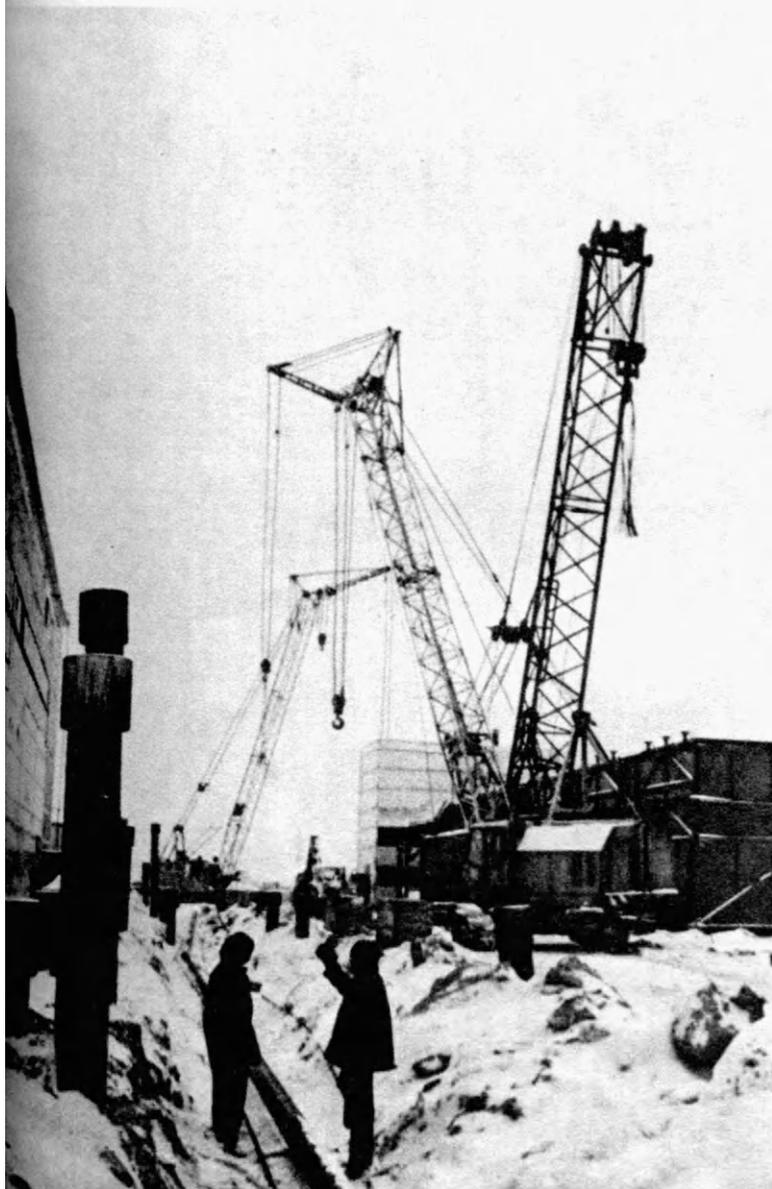
Государственный интерес

— Объемы работ по Западной Сибири больше, чем вместе взятые объемы Атоммаша, БАМа, КамАЗа, а ведь каждый из них — великая стройка. Многие считают обустройство месторождений делом решенным. А это далеко не так — предстоит завести массу людей, оборудования, материалов, создать новые тресты и управления, — говорит бригадир комплексной хозрасчетной бригады треста Мегионгазстрой Николай Павлович Нежданов.

На XXVI съезде партии отмечалось, что одиннадцатая пятилетка — экзамен для строителей. Отличительная ее черта — концентрация средств и сил на завершении строительства и пуске предприятий, способных обеспечить наибольший прирост продукции.

В осуществлении этой задачи бригадному методу принадлежит ведущая роль: будет под-
ряд — будет успех.

Фотохроника

На высоте

Звено получает задание от бригадира
Н. П. Нежданова (первый справа)

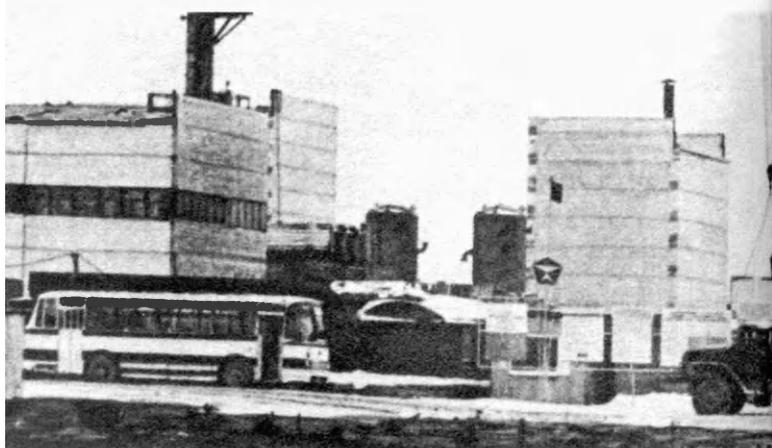
Интересные новости

Ночная смена

Возводится КС-3
Душевный разговор

Звеньева В. Бурлаков

На объекте

Думы о завтрашнем дне

